

Борис Мир

ДАНЭЯ

ЖЕРТВЫ ПРОГРЕССА



Борис Мир

Данэя. Жертвы прогресса II

«Издательские решения»

Мир Б.

Данэя. Жертвы прогресса II / Б. Мир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858305-6

Когда физический труд в результате нарастающего научно-технологического прогресса полностью вытеснится интеллектуальным, он совершенно очевидно не всем окажется по силам: человечество разделится на способных и не способных соперничать со всё более совершенным искусственным интеллектом. Какая судьба может ожидать последних, если в какой-то критический момент будущего возобладает прагматизм: не произойдет ли очередной исторический виток социального неравноправия, жертвами которого будут они?

ISBN 978-5-44-858305-6

© Мир Б.
© Издательские решения

Содержание

Часть V	6
42	6
43	13
44	20
45	24
46	28
47	39
48	43
49	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Данэя Жертвы прогресса II

Борис Мир

© Борис Мир, 2017

ISBN 978-5-4485-8305-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы больше не можем оценивать человека по работе, которую он делает. Мы должны оценивать его как человека. Если мы настаиваем на применении машин повсюду, но не переходим к самым фундаментальным рассмотрениям и не даем людям надлежащего места в мире, мы погибли.

Норберт Винер

Часть V ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ЧАС

42

Лейли раз за разом включала запись встречи астронавтов.

Жадно смотрела на невероятно изменившегося, вновь постаревшего Дана. На Эю, которая все эти годы была с ним. На их детей.

Дан прилетел. Дан!

Ну и что? Ничего не изменится.

Думала о нем – всё время, даже надеялась на что-то: он заполнил её всю. Ещё с того далекого времени, когда он доживал свои последние годы перед обновлением. Всё вылилось в одну единственную встречу перед их отлетом. Промелькнувшую как единый миг. Самый светлый в жизни.

Почему – не можешь жить как все? Пользоваться полнейшей свободой, сплетать пальцы и быть близкой с тем, кто в данную минуту нравится? Почему?

Отчего взволновали так когда-то рассказы Лала о любви – чувстве, которое теперь не знают, а в былые времена видели в чем чуть ли не главный смысл жизни? Начала читать тогда о ней: конечно, только произведения былых эпох – в современных о любви и не упоминали. И жажда самой испытать её пробудилась вдруг и превратилась в осознанную мечту. Тогда же впервые и познакомилась с Даном, который был личностью легендарной, – особенно после рассказов Лала.

Снималась в кинофильме, который ставил Лал. Дан приехал на репетицию. Он был стар и дряхл. Бесплезно было протягивать навстречу ему руку, ожидая ответного прикосновения пальцев. Тем более странным оказалось, что не могла не думать о нем, и что ни один другой больше не был нужен.

С ещё большей жадностью слушала рассказы Лала о нем. Как великого счастья ждала его появления на репетиции, съемке, спектакле. Высшей наградой считала услышать его похвалу твоей игры от Лала.

Но, как и все, скрывала свое чувство от других. О нем не знал даже Лал.

Приближался час, когда ему предстояло пройти обновление: получить новое тело – и с ним вторую жизнь и молодость. Пригласил, вместе с Лалом, на прощальную встречу. Была надежда встретить его уже обновленным, когда можешь стать нужной ему. Но обновление могло и не удалиться, и эта мысль не дала остаться сдержанной, как всегда.

– Приходи обновленным, – тебя будет ждать моя страсть, – пользовалась привычными выражениями. Он слегка улыбнулся в ответ.

Все годы, пока голова его срасталась с новым телом, ждала его. Но, вернувшись, он не вспомнил о тебе. Ты опоздала, всего на несколько часов: когда увидела его уже молодым, красивым, он не сводил глаз с другой, сидевшей рядом с ним.

И потом – он все время был с ней. Здесь и там. Вместе улетели и вернулись обратно.

Та нежданная единственная встреча с ним – всё, что тебе досталось. И ты была тогда, как безумная.

После их отлета показалось, что осталась совершенно одна: с ними улетел и Лал. Лишь он мог понять, ему одному могла бы решиться доверить свою тайну.

Кое в чем годы их отсутствия не прошли даром: познакомилась с теми, кто поддерживал личную связь в течение долгого времени. Это не было случайным, но встретиться с ними долго не удавалось: они были довольно редким исключением из общего правила. Единственное, что поначалу можно было заметить – что они много чаще обычного вместе.

Догадаться о характере их взаимоотношений мог не всякий. Как и все, они не любили говорить о своей личной жизни – далеко не сразу удавалось откровенно поговорить с ними об этом. Приходилось терпеливо ждать, когда можно будет задать вопросы, не рискуя не получить ответа, а до этого – лишь наблюдать да подмечать: благо, профессиональные навыки немало тому способствовали.

По мере того, как удавалось узнавать этих людей, сильнее и сильнее тянуло к ним. Их отношение друг к другу, привязанность, теплота – всё, что увидела у них, особенно остро дали почувствовать, чего недоставало самой.

Ведь были же друзья – и очень близкие. Был когда-то Лал. А это – всё-таки – было чем-то совсем другое. Иные оттенки, более соответствующие каким-то потребностям собственной души, долго не осознаваемым.

Этих людей всё больше появлялось в числе постоянных знакомых. Они привыкали к ней, и порой сами говорили о том, о чем она даже не догадывалась. Становилось ясней и понятней то, что было в старинных книгах, о чем говорил Лал: его слова всё чаще приходили на память.

И, наблюдая их совместную жизнь, всегда видела его рядом с собой – Дана. Иногда даже позволяла себе представить, что он вернется и всё-таки будет с ней. И она станет как одна из этих редких женщин, самых счастливых – понимают ли они это или нет.

Но надежда тут же гасла: он далеко-далеко, на другой планете. С ним Эя – за долгие годы пребывания там он ещё больше привыкнет к ней.

И всё же – их отношения, Дана и Эи, отличаются оттого, что знакомо теперь: они не одни, с ними Лал – Эя близка с обоими. Так почему Дан не может быть близок и с ней? С ней и Эей одновременно – как Эя с ним и Лалом? Почему не может найтись ей место рядом с ними? Эта мысль, появившись, не исчезала: во что-то должна была верить. И ждала, когда он – нет, когда они – вернутся.

Каждый год хоть раз была на острове, где жизнь дала встречу с Даном. Там, лежа на траве лицом к ночному небу, отыскивала она созвездие Тупака, где находились они. И мысленно была с ними.

Никто не знал, что ей нужно. Ни ближайšie старые друзья, для которых всё это было бы непонятно. Ни даже новые, счастьем которых завидовала, но которым не смела говорить о себе.

Её успех на сцене ещё более вырос с годами – и по-прежнему считалась она самой красивой женщиной планеты. Многие страстно желали её, но даже мысль о близости с кем-то кроме Дана была для нее невозможна. Лишь редко-редко – как отправление малоприятной, но, к сожалению, необходимой потребности – вызывала домой гурио, которого сразу же потом отсылала.

Но Лала нет – он погиб. Давно: в самом начале. Они были там вдвоем. Столько лет.

И дети! Что значит это?

Надо увидеться с ними. Только это будет не скоро: после прилета на Землю – долгий карантин; к тому же вид у них ужасный – лечение будет длительным.

Но потом она постарается встретиться с ним – как можно скорей. Если увидит, что совершенно не нужна ему, будет говорить только о Лале: ведь он был её близким другом. И уйдет навсегда, постарается его больше не видеть. Чего бы ни стоило!

Ведь она уже привыкла. За столько лет.

Никто не догадывается, что творится в её душе. Великая Лейли – прекраснейшая женщина Земли, гениальнейшая актриса, всегда потрясающая своей игрой сотни миллионов

сидящих у экранов и тысячи счастливых, получивших по жребью право непосредственно присутствовать на спектакле. Широко раскрытые глаза, напряженная тишина, слезы. Буря аплодисментов. Но разве хоть кто-нибудь из них знает, что один из источников такой глубины её игры – боль и страдание?

Они уже на Земле.

Их физическое состояние потребовало длительного лечения, и пока они общаются лишь с врачами: чтобы их не беспокоили, прямая связь с ними временно закрыта. В домик, в котором когда-то начиналась их тренировка перед отлетом, одиноко стоящий в горах вдали от городов, приходят только приветственные телеграммы от тех, кому не терпится их увидеть; о них им сообщает специальный дежурный.

Радиограмма Лейли пришла в самый конец лечения.

– Мне хочется поговорить с ней, – попросила дежурного Эя.

– Сеньора, не утомит ли тебя разговор?

– Никоим образом. Наоборот!

– Пожалуйста! – он включил связь.

Лейли никак не ожидала увидеть её на своем экране: сразу вздрогнула.

– О, Эя!

– Здравствуй, Лейли! Я рада видеть тебя.

– И ты здравствуй, Эя! Как ваше здоровье?

– По-моему, уже в полном порядке. Нам здесь уже надоело. Так хочется увидеть всех друзей!

– И мне вас.

– Ты хочешь расспросить о Лале: я знаю.

– Да. – Вид у нее был грустный.

– Знаешь, что? Я сейчас попрошу разрешение на твоё посещение. В конце концов, несколько дней не играют роли. Пора кончать наше затворничество. – Экран погас.

Лейли сидела, не двигаясь; ждала, веря и не веря, что произойдет невероятное. И лишь когда экран засветился, и Эя сказала: «Всё в порядке: я их уговорила. Прилетай: сейчас!», она заторопилась, вспомнив, что не одета. Отдала команду роботу достать из хранилища нужную одежду и украшения, вызвала кабину – и наспех заколов волосы, накинула плащ поверх домашней туники, укатила на аэродром.

Туалетом занялась в ракетоплане – его вел автопилот. На это ушло не много времени – слишком мало, чтобы занять её, отвлечь чуть от томительного ожидания, от которого, казалось, можно было задохнуться.

Эя с балкона видела, как появился в небе ракетоплан. Сделав разворот, он сел. Женщина в черном развевающемся платье медленно двигалась к дому. Эя быстро пошла ей навстречу. Она была рада госте: карантин, казалось, длился целую вечность.

Лейли – друг Лала: значит и их друг. И одна из самых любимых её актрис. До чего же она красива: недаром Сын там, на Земле-2, последнее время аж не дышал, когда она была на экране. Но глаза её печальны.

Эя взяла её за руки:

– Все будут рады тебе. Дан с детьми отправился в горы. Но они должны скоро вернуться: ушли давно – до того, как мы с тобой связались. Они ничего не знают – ну и пусть: я ничего не сообщу им – твой прилет будет для них сюрпризом. А мы пока поговорим: я так соскучилась по общению.

– Я очень ждала вас.

– С Лалом.

Лейли молча кивнула.

– Я понимаю, – Эя тоже замолчала, и Лейли была рада, что не надо ничего говорить. – Это страшная потеря. Не только для нас. Для всех. Он был удивительный. Единственный, кто понимал, какими должны быть люди.

– Да.

– Он сообщил нам незадолго до своей гибели чрезвычайно важные вещи.

Лейли едва слышала её, но Эя, к счастью, этого не видела. Они сидели на камнях возле дома.

– Вот и он!

Лейли подняла голову: на тропе, ведущей с горы к дому, появился человек. Дан!

Дан! Она вся напряглась. Он смотрел в их сторону, приставив ладонь ко лбу: солнце било ему в глаза.

– Отец! Оте-ец!

И когда он медленно пошел к ним, Лейли побледнела так, что Эя не могла это не заметить. Что-то больно толкнуло сердце. Неужели...? Она не могла и думать о том, что ещё какая-то женщина есть в жизни Дана.

Да, раньше ей это было безразлично: как и всем. Раньше! Слишком много лет они были вместе и слишком много вместе пережили. Вместе, всё время вместе. И дети...

– Здравствуй, Лейли!

– Здравствуй, Дан!

Она по-прежнему красива, невероятно. Прекрасна, как богиня. Такая же – как тогда, на озере.

Эя кажется гораздо старше её. Фигура, несмотря на постоянные упражнения, уже не та, что раньше – потому что родила трех детей. И грудь не стоит упруго – тяжело округлилась: кормила ею его детей. Морщинки в углах рта и глаз, седая прядь в волосах: лечение до сих пор не изгладило следы перенесенного в обратном полете.

Но и тогда он без грусти расстался с Лейли – сейчас без волнения встретился с ней. Эя...

Нет: Мама – она для него единственная из всех женщин. На Земле, во всей Вселенной. Близкая настолько, что трудно понять, где кончается он, и начинается она. И без нее невозможно ни жить, ни дышать: никакая близость с другой, даже красивейшей из всех – Лейли, невозможна для него.

Так, значит, он больше не свободен? Не может то, что раньше? Да! Ну и что? Не может – потому, что не хочет поступиться и частицей того, чем обладает: своим чувством к Маме и её к нему, неразрывной слитностью их и детей – детям было бы неприятно, если бы ещё кто-то, кроме Мамы, существовал для него. Эта его, по прежним понятиям, несвобода – неотделима от того, каким он стал; она подлинная свобода, в самом высоком человеческом смысле: нежелание хоть сколько-нибудь замутить то светлое, от чего счастлив он – доподлинно счастлив. Он, такой как есть теперь, не может и не хочет быть иным. Он сам. Мама, может быть, и не стала бы, пользуясь старинным выражением, ревновать...

Но она бледна, молчит. Ну да – она теперь всё видит: и она теперь как он – не такая как все.

– Мама, они идут следом, – сказал он. Ей сразу стало легче дышать: всё в порядке. Они взглянули друг другу в глаза, улыбнулись.

– Лейли, ты сейчас увидишь наших детей, – сказала Эя.

– Я очень хочу их увидеть, – тихо ответила Лейли.

Слишком ясно было, что надеяться ей не на что: они были, как те – живущие вместе долгие годы. Ей достаточно было увидеть, как они глядят друг на друга, услышать, как называют один другого.

А на нее он смотрит спокойно. Ей нет и не может быть места рядом с ним. И если бы было возможно, она сейчас сразу бы улетела.

– Вот они!

По тропинке шел высокий юноша, неся на спине девочку, обнимавшую его за шею. Нес он её, казалось, без всякого напряжения.

– Слезай! – сказал он, подойдя. Девочка соскочила на землю.

Они сложили ладони перед грудью, приветствуя Лейли.

– Опять балуешь её?

– Сестренка устала, мама. Еле ползла.

– Ну да! Просто он хотел похвастать своей силой. Мне не жалко – пусть несет, если хочется.

Эя, улыбаясь, смотрела на них:

– Наши дети.

– А мы тебя знаем, сеньора.

– Да?

– Да: у нас были фильмы с твоим участием. Брат их больше всего любил.

Лейли посмотрела на юношу, стоявшего молча перед ней, потупив глаза. Лишь время от времени он поднимал их, бросая на нее взгляд. И в эти моменты она заметила, что они у него широко раскрыты. Казалось, он ошеломлен тем, что видит её. Густая краска заливала его лицо.

– Как удивительно он похож на тебя, Эя.

– Мой сын, – Эя ласково коснулась его волос. Он снова взглянул на Лейли – и ещё сильнее покраснел.

Она не могла не любоваться им: ей вдруг почему-то захотелось тоже провести рукой по его ярко рыжим кудрям. Но она не решилась – и погладила девочку, всё время улыбающуюся ей. Дети пробудили в ней острый интерес – уже не было стремления поскорей улететь, и боль немного притупилась.

– Пошли ужинать! – пригласила Эя.

Все, включая пришедшего дежурного, ели одинаковые блюда, – их заказывала Эя. И Лейли не хотелось отделяться от них – она не стала заказывать себе что-то другое, ела то же самое.

– Нам можно побыть с вами? – спросила девочка, когда ужин кончился.

– Нет, дочка. Иди: почитай и ложись. И ты тоже, – обратилась Эя к сыну. – Нам надо о многом поговорить.

– Я не буду мешать, мама.

– Сестра, пошли! – негромко сказал юноша, и девочка покорно встала.

– Спокойной ночи, мама! – сын подошел к Эе; наклонившись, поцеловал её. – Спокойной ночи, отец!

Девочка поцеловала и отца.

– До свидания, сеньора! – попрощались они с Лейли. Юноша напоследок открыто, как-то жадно, посмотрел на нее. Она ответила ему улыбкой, и, ободренный, он тоже улыбнулся: он, оказывается, мог очень хорошо улыбаться.

Это было прекрасно и непонятно – то, что она видела. И два чувства боролись в ней: вновь усиливающаяся душевная боль и непреодолимое желание как можно больше узнать и понять. Тысяча вопросов вертелись у нее на языке – но общение с парами вместе живущих приучило её к осторожности: те сразу никогда не раскрывались.

Но на этот раз всё было иначе: Дан и Эя рассказывали ей всё – много и подробно. В их рассказе почти не было того, что всем уже было известно по отчетам.

– Всё произошло благодаря Лалу.

Слушая Дана, Лейли ловила себя на мысли, что кое-что из того, что он говорил о страшной правде существующего на Земле, но не замечаемого никем – увиденной и понятой Лалом,

она давно слышала от того самого. Но лишь отдельные высказывания, которые она не всегда достаточно глубоко могла воспринимать и постепенно почти забыла. Теперь, когда Лала уже не было в живых, его идеи, связанные в стройную систему, исходящие из уст Дана, обрели чрезвычайную убедительность, хотя многое по-прежнему воспринималось с трудом.

Лал погиб, не успев ничего осуществить, но то невероятно важное, что он открыл им, они запомнили, чтобы передать всем. И начали действовать: появление детей было прямым следствием выводов, сделанных Лалом.

О детях говорила уже Эя. В основном о первенце – сыне, и её рассказ показался Лейли не менее поразительным, чем предыдущий. Об ожидании рождения ребенка, о его появлении на свет. О том, как он сосал её грудь, впервые улыбнулся, впервые сел, впервые пошел. О том, как заговорил. Как рос и развивался. Как отдал появившейся у него сестре первое яблоко. Как становился самостоятельным и умелым. О его бесстрашии. Об их, родителей, тревогах и радостях.

Какой-то невероятный мир раскрывался Лейли в рассказе Эи о детях. Не ведомый ни Лейли, ни почти никому. Высшая ступень любви, незнакомая даже тем, кому она до сих пор завидовала: тем, кто надолго, даже на всю жизнь сохранил исключительное чувство и привязанность друг к другу. Но их чувство замыкалось лишь на них самих и не могло идти дальше, не поднималось, питаемое любовью к своему естественному плоду – детям, до такой полноты, которую она увидела у этих двух, один из которых был для нее самым дорогим.

Тем более ей не было места рядом с ним. И боль усилилась, сдавила её. Она чувствовала, что больше не может оставаться.

– Уже середина ночи. Пора мне улетать.

– Зачем? Переночуй здесь.

– Спасибо: не могу – утром репетиция. Не провожайте меня.

– Ну, что ты! Дан проводит тебя до ракетоплана, – сказала Эя.

– Хорошо, – покорно согласилась Лейли: «Она всё видит, понимает. И ничего не боится».

И от этого стало ещё тяжелей.

Они оба молчали. Лейли шла впереди – не оборачиваясь, как будто спасаясь бегством. Только когда они уже прощались, он сказал:

– Ты подумай. Надеюсь на тебя: ведь ты была его другом.

Она грустно посмотрела на него, прощаясь наклоном головы, но ничего не ответила.

...Возвращаясь, Дан заметил на верхней веранде фигуру. «Сын», узнал он. Тот стоял и смотрел туда, куда ушла Лейли. Взлетел ракетоплан, и пока были видны его очертания в начавшем светать небе, Сын стоял и следил за ним.

Дан прошел в спальню. Эя уже легла, но не спала.

– Сын тоже не спит, – сказал ей Дан.

– ?

– Стоял на балконе, смотрел, как улетал ракетоплан.

– Он не ожидал увидеть её наяву. Я видела: ему очень хотелось смотреть на нее, но боялся. Ну, что ж: наш сын скоро станет мужчиной. Мы на Земле, и карантин почти кончился.

Они больше ничего не сказали друг другу. Дан лег рядом с ней, обнял, – сегодня более ласково, чем всё время после их возвращения.

Вернувшись на Землю, они продолжали спать вместе. Но физического сближения между ними не было с той поры ни разу: Дан не позволял себе это после выхода её из анабиоза – как будто именно те несколько минут промедления могли быть причиной смерти Малыша.

Он держал её руку в своей; они лежали, не засыпая. Не в первый раз.

Не спала в эту ночь и Лейли.

Она даже не стала ложиться: добравшись домой, уселась в кресло на своей террасе-саду. Надо было всё продумать, разобраться.

Мысли вихрем кружились в голове, беспорядочно сменяя друг друга. Во время полета душевная боль настолько скрутила её, что она была не в состоянии справиться с их сумбуром. И только усевшись на террасе, сделала попытку взять себя в руки.

Прежде всего, ясность: снова продумать, подробно, всё, что увидела и узнала. Попытаться сделать это спокойно, упорядоченно – иначе отчаяние совсем раздавит её.

Итак... Он счастлив. Как никто на Земле. Потому что с ним рядом Эя и их дети. И он сам принадлежит им безраздельно. И поэтому абсолютно не на что надеяться. Раньше хоть была какая-то искра надежды, хоть и безумной.

Всё это можно понять разумом, сердцем – никак. Но – что можно делать? Терпеть и ждать, как и прежде? Бесплезно. Дан теперь совсем другой. Ещё более достойный любви – и уже совсем недоступный.

«Всё произошло благодаря Лалу». Лал сделал его таким. Его и Эю. Перевернул их души.

Но задел и её тоже: пробудил в ней потребность в любви. Это не принесло счастья, но она не сетует: ей дорого то, что она пережила. Она тоже – не могла уже быть иной.

Только она ещё слишком много не знала. Оказывается старинные книги и общение с теми, кто сохранил потребность в длительной привязанности, ещё не давали истинного понятия о настоящей любви. Какую она увидела только сегодня. Одновременно с бесповоротно безжалостным выводом о собственной участи.

Понимают ли они до конца сами всю меру собственного счастья? Как они называют друг друга – не по именам: мама, отец, сын, дочь, сестра, брат. Дети целуют их перед сном. Задохнуться можно! Если бы так, как они. Как Эя!

Она представила себя на её месте. Любимый человек, живущий рядом. Дети. Она любила бы их и тоже гордилась бы ими. Высоким серьезным юношей, задорной живой девочкой. Если бы, если бы!

Хотя бы быть одной из них. Быть им такой же близкой, как они сами. И, может быть, прошла бы её душевная боль, и она бы смирилась с невозможностью быть близкой с Даном.

Она горько усмехнулась этому неожиданному повороту мыслей. Это не более возможно, чем её первое желание. Ведь её не устроила бы только роль друга, которому всегда были бы рады.

Нет: жить с ними. Постоянно, каждый день. Совсем безумное, нелепое желание. Мысли металась в воспаленном мозгу в поисках какого-то выхода. Его не было.

Надо смириться. И, всё-таки, как-то взять себя в руки. Иначе можно сойти с ума.

И, вообще – хватит! Надо выпить лимонника, добежать до бассейна, заставить себя позавтракать и отправиться на студию. Надо работать – солнце уже встало.

43

Никто, конечно, не догадывался, что с ней творится; казалось, всё идет как обычно. Только сегодня она была ещё требовательней, чем всегда.

Многое, слишком, не удовлетворяло её. Заставляла снова и снова повторять куски, без конца включала записи сыгранных и находила в них всё больше ошибок и неудачных моментов.

– Ещё вчера именно это тебе нравилось!

– Ну и что? Сегодня должно быть лучше, чем вчера.

Актерам казалось, что она хочет чего-то почти невозможного. А она вдруг почувствовала, что эта пьеса ей уже совершенно не нравится. После увиденного вчера тема её воспринималась в другом свете. Не то. Пусть её ставит другой режиссер: у нее она теперь не получится.

К счастью, время подходило к обеду: репетиция заканчивалась. Она могла после обеда поехать домой, отдохнуть: вечером спектакль, в котором занята. Вместо этого вернулась на студию. Здесь привычная рабочая обстановка, мешающая вновь безраздельно погрузиться в омут своих мыслей.

Снова начинались репетиции, и она переходила из зала в зал, где-то ненадолго задерживаясь и тихо, так же, как и появлялась, исчезая. Почти ничего не нравилось, не вызывало интерес. Она ушла в сад.

Небольшая компания, актеры и режиссеры, расположились на лужайке. О чем-то спорили, сидя на траве.

– Лейли! – позвали её. – Ты слышала новость? Поль хочет ставить старинную пьесу: «Бранда» Ибсена.

– «Бранда»? И что?

– Он почему-то уверен, что ты его поддержишь.

– А: пожалуй.

– Ты что: знакома с её содержанием?

– В общих чертах. Поль рассказал мне его и показал несколько отрывков. Кажется, полгода тому назад.

– Ну, и...?

– Он, как я поняла, не собирался тогда её ставить. А я начинала «Поиск».

– Как он? Закончен? Когда премьеры?

– Думала, что почти закончен. Сегодня убедилась, что он у меня не получится.

– У тебя? С чего бы?

– Потеряла интерес. Передам другому.

– Не торопись! Может быть, тебе, просто, кажется.

– Нет: не кажется.

– Почему? Что-нибудь произошло?

– Да.

– Сегодня?

– Вчера. Разговаривала с Даном. И с Эей.

– Как? Но ведь...? Тебе разрешили прямую связь с ними?

– Я была у них.

– О-о! А карантин?

– Он почти кончился: Эя сразу получила разрешение – я летала к ним.

– Ну-ка, расскажи! Как они?

– Относительно ничего. Внешне, по крайней мере.

– Что они тебе рассказали? О Земле-2? О полете? О Контакте?

– Нет: они сказали, что об этом все почти могу узнать из их отчетов.

- Тогда: что же?
- Многое. Но главное: я вчера видела их детей.
- По-моему, это единственное непонятное из всего, что с ними произошло.
- До вчерашнего дня – для меня тоже. Нужно было увидеть, чтобы понять: они очень счастливые люди, хоть и кажутся невеселыми.
- Ещё бы: после такого!
- Они счастливые люди, – повторила Лейли. – Пожалуй, самые счастливые на Земле.
- Ещё бы! Суметь столько совершить: полет в Дальний космос, освоение Земли-2, выход на Контакт.
- Нет: больше всего потому, что у них есть дети. Их дети. Потому, что они сами их родили и вырастили. Потому, что живут вместе с ними.
- Почему ты так считаешь?
- Потому что видела. И потому, что они сами рассказали мне обо всем. О том, как это дало им возможность даже там чувствовать себя счастливыми.
- Значит: счастливые, счастливые, счастливые! Ты это без конца повторяешь.
- Могу повторить ещё. Вместо обычной нашей разобщенности – теплота отношений, какой я ещё не видела. То, чего нам всем не хватает.
- Ты можешь ручаться за всех?
- За подавляющее большинство, во всяком случае.
- Но все космонавты такие: они там вынуждены непрерывно общаться – и привыкают друг к другу.
- Нет, это другое: большее.
- То, что называли любовью? Что привлекало тебя в старинных пьесах, так ведь? Но кому это сейчас нужно? Ни одна же из таких пьес, которые ты пробовала ставить, не имела успеха.
- Это печальней всего. Чувство, которое когда-то считалось самым прекрасным, позабыто.
- Но ведь это исключительное чувство мужчины и женщины друг к другу согласно идеалу прошлых веков осуществлялось в браке, то есть в совместной жизни до самой смерти – с соблюдением верности друг другу и рождением детей. Ты увидела нечто подобное? – спросила молчавшая до сих пор самая молодая из присутствовавших – Рита, актриса-аспирантка.
- Да. Именно.
- Это ты и называешь любовью: только это? Но ведь такое было лишь идеалом – не правилом. Браки заключались не только по любви, нарушение верности было повсеместным. Разве не так?
- Но разве люди не созрели для воплощения идеала, превращения его в норму?
- Мне совершенно не понятно, о чем ты грустишь. Ну: мы позабыли слово «любовь», в основе которого, всё-таки, лежит физическое влечение мужчины и женщины друг к другу – страсть, дарящая радость. Мы совершенно свободны в отношении её: сплетай пальцы и будь близким с тем, кто тебе сейчас нравится. Ты всегда имеешь возможность поступать так, не думая ни о чем кроме своего желания. Разве это не прекрасней того, что было когда-то? – Рита победоносно улыбнулась.
- Нет, – тихо ответила Лейли. – Это не дает тех душевных переживаний, какие давала любовь.
- Но кто испытывает потребность в таких переживаниях?
- Есть такие.
- Никто им не мешает сохранять длительную связь друг с другом, хоть всю жизнь. Я таких не знаю: ни одного. Да их и есть – крайне мало.
- Я, всё-таки, знаю их.
- И они тебе нравятся больше остальных?

– В их отношениях больше, гораздо, душевного тепла, чем у других – но они не имеют естественного завершения: любовь без детей не полна.

– Этот вывод – твой собственный?

– Нет. Конечно, нет. Его когда-то сделал Лал. Дан и Эя смогли убедиться в его правоте: они рассказали мне, как появились на свет и росли их дети.

– И сумели убедить тебя?

– Сумели. Ведь я видела их всех вместе.

– Лал. Значит, он. На него это похоже.

– Рем, он же был тебе почти ровесником?

– Да. И его выступления я помню хорошо. Лалу слишком многое не нравилось в современной жизни: считал, что немало из существовавшего у людей былых эпох совершенно незаслуженно забыто. Что ж, тогда всё гораздо понятней.

– Что тут может быть понятным? – запальчиво вновь вступила Рита. – Современная женщина, сама рожающая детей вместо того, чтобы целиком отдаваться работе; теряющая время на то, что может сделать неполноценная! Совершенно не оправданный анахронизм. Да! По моему, это нельзя ни понять, ни оправдать.

Лейли почему-то не хотелось спорить. Она встала и ушла.

...Спектакль вечером прошел с обычным успехом, хотя играла хуже, чем в предыдущем. Но публика этого не замечала: выручило её профессиональное мастерство.

А после спектакля мучительно не хотелось возвращаться домой: панически боялась второй бессонной ночи, того, что мрачные мысли совершенно загрызут её. К счастью, усталость свалила её – в тяжелый сон.

В том же спектакле была занята и Рита.

Домой она отправилась не одна – со своим новым знакомым, молодым докторантом-генетиком. Познакомилась с ним на пиру в прошлый четверг, – их пальцы сплелись тогда. Они и сейчас желали друг друга и сразу же поехали к ней.

Он был умен и очень пылок; ласкам его не было конца, и они снова и снова возбуждали её.

– У тебя тело богини, – говорил он, неотрывно глядя на нее потемневшими от страсти глазами, и пальцы его непрерывно блуждали, касаясь плеч, груди, живота, бедер. Они без удержу отдавались друг другу.

«До чего хорошо! О-о-о! До чего же хорошо!» думала она. «Эта Лейли – она статуя, не женщина. Просто статуя, хоть и прекрасная: красивей всех других, настоящих, женщин. Таких, как я. Что она понимает? Она же не способна на настоящую страсть: может только изображать её на сцене».

– Послушай, мой желанный, а хотел бы ты быть со мной всю жизнь? – вдруг спросила она его.

– Боюсь, что да! – не задумываясь ответил он.

Она засмеялась:

– Ты не понял: я не имела в виду только заниматься этим. Спросила о другом: хотел бы ты всю жизнь быть близким только со мной и не знать других женщин?

– Зачем? – удивился он.

– Вот именно: зачем?

– Прости: не понимаю.

– Так: продолжение одного сегодняшнего разговора – кстати, довольно любопытного.

Рассказать?

– Потом!

– Успе-ешь! Послушай, всё-таки. Разговор – о любви.

– О чем?

– Это то, во что когда-то облекли романтики прекрасную, язычески радостную потребность физического слияния мужчины и женщины. Её, любви, неизменными атрибутами были верность, то есть недопустимость физического общения с другими, и ещё многое, туманно-возвышенное. И всё это, судя по литературе тех времен, в основном оставалось идеалом и, в действительности, было редкостью.

– Ну, бывает и сейчас. Кое-кому почему-то нравится жить вместе и довольствоваться почти исключительно друг другом.

– Ты с такими сталкивался?

– Ни разу. Да и какое нам с тобой дело до них? Разве нам будет хуже, если мы будем близки ещё с кем-то?

– Конечно! Но послушай ещё. Интересная подробность: любовь должна завершаться образованием семьи и рождением детей. Вот!

– Бред какой-то! И кому теперь это нужно?

– Самой красивой женщине Земли – Лейли.

– Как стремление великой актрисы к необычным душевным переживаниям?

– Если бы! Как следствие воочию виденного примера.

– Какого?

– Такого: Дана с Эей и их детками! Ей разрешили вчера посетить их.

– Она лично знакома с ними?

– Ещё бы! Лейли ведь много снималась в фильмах Лала, была его другом. Кстати, именно Лал и вдохновил их на этот подвиг – рождение детей: они сами сказали Лейли.

– Вот это – уже интересно. Ну и...?

– Всё. Больше ничего не знаю. Тебе этого мало?

– Пожалуй, достаточно. Гм, симптом мало приятный.

– Это так серьезно?

– Может быть, – он сел на постели. – Было уже кое-что ещё. Среди педагогов, в основном тех, кто имеет дело с детьми раннего возраста, были женщины, выражавшие желание родить ребенка. К счастью, кроме одного случая дело дальше слов не пошло: они знали, что мы к ним тогда потребуем применения бойкота, и при судебном разбирательстве им нечего надеяться на поддержку достаточного большинства человечества.

– И всё же: один случай был?

– Только попытка. Одна из тех, кто активно выступал против отбраковки.

– Что она попыталась сделать?

– Забеременела. Но её заставили беременность прервать. Тоже перспективой бойкота. К тому же, она знала, что ребенка у неё заберут, и он сразу будет считаться неполноценным – как рожденный без соблюдения правил воспроизводства.

– Есть прямая связь между её попыткой и прежним движением против отбраковки?

– Точно не скажу. Но если так, то это слишком серьезно. Кстати, она тоже была близка с Лалом. Как единомышленница.

– Когда Лейли ушла, Рем сказал, что Лал выступал чуть ли не против всего. Даже против использования неполноценных вообще.

– Ему не очень-то дали это делать.

– Но Дан? Чего хочет он?

– Это мы пока не знаем. То, что ты сказала мне, со слов Лейли, – что дети их появились под влиянием Лала, заставляет подозревать, что Дан хочет того же, что и Лал. Слишком близкими друзьями были они. Приятного мало. В нашем кругу, генетиков, к Лалу всегда относились без особой симпатии; пожалуй, я слишком мягко выразился. – Он задумался. – Дан уже нарушил установленные законы воспроизводства. Нас это сразу насторожило, когда мы увидели его детей.

– Но ведь без того самого, против чего был Лал, Дан не жил бы сейчас, вторую жизнь.
– Конечно! Его тело – тело донора.
– И, кстати, гены, переданные детям, тоже принадлежат не ему, а неполноценному. Его дети – автоматически – потомственные неполноценные: неполноценные с рождения без всякой отбраковки.

- Ты напрасно стала актрисой. Говоришь прямо как член Совета воспроизводства.
- Слушай, но они – эти их дети – полноценные по своему развитию?
- По-видимому.
- Так что же, всё-таки, ждет их?
- Не знаю. Дан, наверняка, не даст признать их неполноценными.
- Ещё бы! Особенно после всего, что рассказала Лейли.
- Дан ведь не та женщина – ему-то обеспечена поддержка почти всего человечества.
- Детки под надежной защитой авторитета своего отца.
- Да! Отец. Патриарх. Глава рода. Род Дана, колено Даново. Совсем по Библии.
- Ты даже Библию знаешь?
- Слегка.
- М-да! Не нравится мне это, очень.
- Заметно.
- Что, если, глядя на них, осмелеют, решатся на рождение детей те женщины, педагоги?

Если это станет повальным явлением? Вообще, превратится в норму? Меня такая перспектива не устраивает. Я современная женщина: мое дело – сцена театра; детей пусть рожают неполноценные. И наслаждаться с мужчиной желаю, не думая ни о чем другом. – Она заметила, что он её почти не слушает.

- Рождение детей Дана и Эи стоит в прямой связи с влиянием на них Лала. Ценное сведение. Надо немедленно сообщить профессору Йоргу.
- Сейчас? Ведь ночь!
- А, да!
- Она видела, что ему уже не до неё. И не стала его удерживать у себя.

Он еле дождался утра. Но пока не кончилось время завтрака, вызвать профессора Йорга не посмел.

- ... – Доброе утро, учитель!
- Отличное утро, Милан!
- Не совсем.
- Что-нибудь случилось?
- Да. Мне удалось узнать нечто важное: говорить?
- Лучше приезжай ко мне в лабораторию. Жду.

Когда Милан вошел, профессор глядел на включенный экран и не сразу оторвался от него.

- Ну, что ты хотел мне сообщить? – наконец спросил он Милана. И Милан рассказал то, что узнал ночью от Риты.
- Так! – профессор сжал кулак, стукнул им по пюпитру пульта. – Так! Действительно – Лал. Мы так сразу и подумали.
- Что же будет?
- Боюсь, что ничего хорошего.
- Что же тогда намерен предпринять Совет воспроизводства?
- Смешно думать, что мы сможем сразу сейчас как-то исправить создавшееся положение. Именно теперь Дан в состоянии раздавить нас: на этот счет у нас не может быть никаких иллюзий.

– Значит, оставить всё, как есть? Ведь он нарушил установленный закон, обеспечивающий столько времени оптимальное воспроизводство людей. Закон обязателен для всех!

– А если он тогда поставит под вопрос правомерность этого закона?

– Что же: остается только молчать?

– Посмотрим. У меня ведь тоже новость. Кое-что в нашу пользу. Вот, смотри! – На настенном экране появилось схематическое изображение цепочки ДНК, длинной, сложной, со многими тысячами знаков. – Самый свежий результат. Вчерашний. Сейчас увидишь.

– Чья ДНК?

– Младшего сына Дана. Врачи, которым поручили выяснить причину его смерти, попросили меня выяснить, не связана ли она с какими-нибудь генетическими нарушениями. Повозился я немало.

– Неужели причина генетического характера?

– Ну, да. И совершенно, казалось бы, ничтожное нарушение: я еле нащупал его. Вот здесь. С первого взгляда, ничего похожего на нарушение. Но у меня был отдаленно похожий на этот случай, а то... Итак: израсходовал целиком свой месячный ресурс машинного времени суперкомпьютера.

Дальнейший разговор, довольно длинный, вряд ли был бы понятен специалисту не их профиля.

... – Это и явилось причиной его гибели?

– Да. С помощью диагноста они, конечно, не могли ничего обнаружить: случай слишком уж редкий. Само это отклонение без сочетания с рядом других факторов не могло неизбежно привести к смерти, – оно лишь давало предрасположение к нарушениям функций организма.

– Эти факторы появились как результат его пребывания в анабиозе?

– Да: в данном случае я могу утверждать это совершенно уверенно, хотя с анабиозом до сих пор слишком много неясного. Но достаточно такого вот мелкого отклонения в генах, чтобы человек не вышел из него.

– Значит, не используй они анабиоз, ребенок остался бы живым?

– В их случае – конечно, нет. Они остались без энергии – при медленном разгоне погибли бы все от удушья и голода, а форсированный разгон в обычном состоянии он бы не перенес.

– Но если бы полет проходил нормально – с ним ничего бы не произошло? Замеченное тобой отклонение не грозило ему больше ничем?

– Грозило, да ещё как! У него были все шансы начать отставать в умственном развитии. Семьдесят процентов вероятности. Но только до пяти лет, только: после пяти, если бы всё обошлось, оно уже ни на чем не могло бы отразиться.

– Всё же: имеет оно наследственный характер?

– Да! Это не мутация.

– Передано – Даном?

– Пока – да. Я сравнивал их гены, когда ты вошел. Вот, смотри оба. Видишь? Хотя у Дана отклонение несколько слабей.

– А Эя?

– Не успел: не знаю.

– Важно, что со стороны Дана. А что у старших детей?

– Тоже – ещё не смотрел. Но это неважно: у них давно прошел критический возраст. В любом случае это факт против тех, кто захочет воспользоваться примером друга Лала. Но положение тревожное – мы должны быть готовы ко всему.

– Что будем делать?

– Выжидать – только. Как начнут разворачиваться события. Ни в коем случае их не подталкивать. Единственное, что нужно делать – создавать максимальное количество сторонни-

ков отрицательного отношения к рождению детей полноценными женщинами. Кстати, ты этим уже и начал заниматься.

– Ты о Рите, учитель? Её мне убеждать не пришлось: это самая горячая сторонница закона воспроизводства. Не уступит нам.

– То, что она подтвердила: что рождение детей Эей и Даном – результат воздействия на них Лала – очень ценно. Но мы можем предположить, что Дан воспринял и другие идеи Лала.

– Ты хотел бы узнать об этом?

– Молодец, мой Милан: ты понял раньше, чем я сказал. Говорила Лейли ещё что-то, существенное для нас?

– Рита сказала, что нет.

– Не упустила ли она что-нибудь? Сейчас всё может оказаться важным.

– Давай свяжемся с ней, – Милан взялся за свой радиобраслет.

Рита попросила подождать до конца репетиции. Всего полчаса.

... – С тобой хочет говорить профессор Йорг, – сказал Милан, когда Рита появилась перед ними на настенном экране. Рита сложила руки перед грудью:

– Я слушаю тебя, сеньор.

– Хочу поблагодарить за то, что сообщил мне наш друг. Скажи, не говорила ли Лейли ещё о чем-то, что могло бы представлять для нас интерес, но что ты не передала, сочтя мало важным?

– Что именно?

– Например, о Лале.

– Только, что рождение детей – его заслуга. Упомянула, что ей рассказали, как родились и росли дети.

– М-да!

– Я поняла тебя: постараюсь узнать больше.

– И чем скорей, тем лучше.

– Ну, ясно! Попытаюсь поговорить с Лейли сегодня же.

– Желаю удачи! Я не сомневаюсь в твоих способностях.

44

Лейли предстояло трудное утро.

Придя на студию, она первым делом прошла в директорат и, поскольку там никого не застала, продиктовала в блок памяти свое заявление об отказе от руководства постановкой «Поиска». Потом, несмотря на предельно сильное нежелание, отправилась на репетицию его.

Через час в её репетиционный зал примчался один из директоров, Цой. Он молча уселся в заднем ряду и с полчаса наблюдал за ходом репетиции. Потом подошел к Лейли:

– Надо поговорить.

Она кивнула.

– Веди пока дальше сам, – сказала она своему ассистенту – и ушла с Цоем подальше от сцены.

– Дорогая моя, ну какая муха тебя укусила? Я же специально прибежал посмотреть.

– Мог бы просто включить свой экран.

– Не то: всё до тонкости чувствую только в зале.

– Ну, значит: ты прибежал...

– Да: и увидел, что у тебя всё здорово получается.

– Е-рун-да! Хорошо отработанные приемы. Только. Пьеса мне совсем не нравится.

Отдайте её моему ассистенту, пусть он кончает постановку. Если надо будет, я ему помогу.

– Она ведь нравилась тебе!

– Да нет. Просто не казалась хуже других. Потом – когда мне её предложили, настроение было совсем дурацкое.

– Бывает. А сейчас у тебя прекрасное настроение?

– Если бы! Ещё более дурацкое. Но теперь мне не всё равно.

– Это что: внезапное прозрение?

– Не пытайся поддеть меня. Я говорю серьезно: мне теперь не всё равно.

– Причина?

– Былое вспомнила. Лала.

– Лал?

– Кроме того, узнала о нем кое-что новое: позавчера встретила с Даном и Эей, они...

– Ну да? Расскажешь?

– Самым подробным образом. Но, подозреваю, не сейчас: у тебя, конечно, как всегда, нет времени.

– Ох! В несколько словах сейчас можешь?

– Они много говорили о Лале. Ты помнишь, я ведь столько сыграла в его фильмах.

– Ну, ещё бы!

– Какие вещи писал и ставил он: какой глубины и остроты!

– А как они многих бесили! Так они дали тебе что-нибудь из не поставленных его вещей?

– Нет.

– Будешь искать?

– Уже есть. То, что мне подходит: то, что собирается ставить Поль – «Бранд» Ибсена.

– Вдвоем с ним? Я думаю, он не откажется ставить её с тобой вдвоем: у вас когда-то это получилось. И играть в ней будешь?

– Обязательно.

– Значит, то?

– То: точно.

– Ну, тогда благословляю. А ассистент-то твой, действительно, справляется.

– Смотри, и актеры с ним чувствуют себя куда уверенней. Я их вчера просто задергала, – сама не знала, что мне надо.

– Ладно! Можешь дальше меня не уговаривать. Я же уже сказал: благословляю. Удачи! – он поцеловал ей руку и вышел.

Итак, эта гора спала с её плеч. Она ждала худшего: что его придется долго уговаривать. Она ещё немного посидела, наблюдая за репетицией. Потом сказала:

– Продолжайте без меня! – и вышла в коридор.

Быстро шла, погруженная в свои мысли, и не заметила, как налетела на Риту.

– Ой! – вскрикнула та, хватаясь за нее руками, чтобы не упасть.

– Прости, я тебя чуть не сшибла!

Рита засмеялась:

– Ты неслась так стремительно!

– Я задумалась.

– Ты ещё всё под впечатлением своего посещения самой необычной пары людей на Земле?

– Почему ты так думаешь?

– Сужу по себе. Вчера в меня бес, что ли, вселился, как говорили в старину: стала с тобой спорить, помешала рассказать о них побольше. Так злюсь на себя: я же актриса – мне надо лучше, глубже знать людей вообще, а таких необыкновенных, как Дан и Эя, тем более. Ты сердисься на меня, сеньора?

– Пустяки.

– Я стала опровергать то, что не знаю. А я хочу это знать.

– Ну, что ж. Я смогу тебе позже о них ещё рассказать: сейчас мне надо увидеть Поля.

– Я видела: он зашел в просмотровый зал. Можно мне пойти с тобой?

– Ты свободна?

– Да. Репетиция у меня рано кончилась, в спектакле я вечером не занята. Только – я вам не помешаю?

– Если будешь вести себя смирно.

– Чтоб мне провалиться на ближайшем спектакле!

...Поль сидел у включенного голографа.

– Поль!

– Тсс! Смотрите!

«Всё – или ничего!», говорит Бранд. Его жена, Агнес, перебирает детские вещи – своего умершего ребенка. Которого можно было спасти, уехав из деревни в мрачном ущелье. Но Бранд прест, священник, этой деревни: он не имел права ради себя и своего ребенка покинуть паству, он не счел возможным нарушить свой долг. И его жена – свой: не оставить его одного.

«Вещи моего мальчишки». Это всё, что осталось от него. Но приходит цыганка с закутаным в лохмотья ребенком и жадно выпрашивает для него дорогие Агнес вещи: зима, он мерзнет. Агнес отдает ей почти всё – лишь одну вещь хочет оставить как память себе. «Всё – или ничего!», повторяет Бранд. Агнес отдает последнюю вещь, цыганка уходит.

Агнес отдала всё, всё без остатка. И она умирает, – Бранд остается один.

Поль включает общий свет, не отключая голограмму, в которой застыл неподвижный Бранд. Слезы дрожат на щеках Лейли. И Рита – чувствует, что взволнована.

– А? «Всё – или ничего!» Вот так, и никак иначе! Что может сравниться с этим из всего, что мы сейчас играем?

– Её – надо ставить!

– Ты тоже считаешь? Я брежу этой пьесой.

- Но, думаю, надо дать ей современную тракторку.
 - Пропади всё пропадом, если я не думаю так же! Буду искать, найду прототипы для нее.
 - Я знаю, кто может послужить ими.
 - Лейли!
 - И вообще, я шла к тебе, чтобы предложить совместную постановку её. Ты – не против?
 - Я?! Ещё спрашиваешь!
 - Вот и прекрасно! Но роль Агнес я хочу взять себе.
 - Ну: тогда вообще... – он не находил слов. – Когда – начнем?
 - Хоть сегодня.
 - Правда? Обедаем – и сразу за работу?
 - Именно.
 - Да, а прототипы? Ты, действительно – уже знаешь их? Кто?
 - Астронавты: погибший Лал, вернувшиеся Дан и Эя – я два дня назад виделась с ними.
 - Они – какие? Жутко интересно!
 - Более чем. Я расскажу о них, с этого и начнем. Кстати и Рита хотела послушать, так что буду рассказывать сразу обоим.
 - Тогда быстрее – обедать!
- Он был так возбужден, что говорил даже за едой, которая отняла совсем мало времени.
- Поедем в парк, – предложила Рита.

Они шли по густым аллеям, уходя всё дальше. Огромные старые деревья своей тенью спасали от палящего зноя. Стояла тишина: в полном безветрии не колыхался ни один листок, не было слышно птиц, спрятавшихся от жары.

Лейли говорила, а Поль и Рита слушали, не задавая поначалу вопросов, боясь упустить хоть одно слово. Микрофончики их радиобраслетов были включены: с разрешения Лейли её рассказ записывался.

Лейли рассказывала подробно. О том, как прилетев, увидела детей; о душевной обстановке этой столь непривычной группы – семьи. Потом рассказ Эи о детях; затем о Лале, о его гибели.

– Значит, дети обязаны своим появлением на свет ему? – переспросил Поль. – Но только ли это имел он в виду, крикнув в момент гибели: «Не забудь!»?

– Они рассказали о Лале что-то ещё? – добавила Рита.

– Да. Просто я об этом почти не думала. И помню хуже того, что уже рассказала.

Действительно, ей очень трудно было припомнить то, что Дан говорил о социальных взглядах Лала. Последовательно и четко излагаемые Даном, они звучали убедительно, но всё же воспринимались ею не слишком глубоко, потому что были далеки от того, что её мучило.

Оттого эта часть рассказа была не очень связной. Постепенно вспоминая, она часто возвращалась назад, дополняя то одно, то другое. В немалой степени ей помогали их многочисленные вопросы.

А кое-что не очень хотелось вспоминать. Как пришлось отвечать на вопрос Дана, что ей известно об использовании неполноценных ныне. Всё, что она знала – что применяется по-прежнему хирургический ремонт, и что есть гурии. О последнем ответила ему еле слышно, словно Дан спросил её совсем о другом – касающемся их обоих.

Идеи Лала производили ошеломляющее впечатление. Рисовалась страшная картина существующего: общественный строй, неотъемлемой стороной которого было наличие неравноправной группы неполноценных; дегуманизация человечества; сложная цепочка взаимной связи прекращения рождения детей полноценными женщинами и выделения неполноценных. Страшный вывод: последовательное исчезновение всё большей части человечества, замена его совершеннейшими роботами и ничтожным количеством гениев.

– И какие выводы сделал из этого Лал?

Выделение неполноценных в бесправную социальную группу – результат научной депрессии, продолжавшейся слишком длительное время. Она позади – и теперь пора исправить совершенную человечеством ошибку, иначе она станет роковой. Начать необходимо с того, что все женщины вновь должны, как в предыдущие эпохи, сами рожать собственных детей; и возродить семью, внутри которой должны расти дети. Тогда тем из детей, которые имеют меньшие в сравнении с другим способности, обеспечена забота близких и невозможность оказаться в положении домашних полуживотных.

...Всё, что она была должна, Рита уже узнала. Приближался вечер, Лейли и Поль перешли на обсуждение «Бранда», и она, попросившись с ними, вызвала самоходное кресло, чтобы побыстрее добраться до ближайшей транспортной станции.

Очувтившись дома, сразу связалась с Миланом и перезаписала ему весь разговор в парке.

– Ты сверхмолодец! Я немедленно свяжусь с Йоргом. Можно потом приехать к тебе? Я хочу тебя!

– Нет. Извини: мне что-то не по себе. – Действительно, она не чувствовала удовольствие от того, что так блестяще выполнила свое обещание. Рассказ Лейли вызвал тревожные сомнения кое в чем, что ещё вчера казалось непоколебимо правильным.

Вчера... Вчера она просто об очень многом даже не имела представления.

– Учитель, всё в порядке!

– Она уже узнала всё, что мы просили?

– Да, и даже записала весь их разговор. Она перезаписала его мне.

– Что удалось выяснить?

– Ещё не знаю: спешил доложить тебе. Я уже сделал перезапись тебе.

– Тогда давай вместе послушаем.

...Йорг был бледен. Как мел. Подтвердились самые худшие опасения. Выпады Лала против существующего положения неполноценных во время компании против отбраковки, которые послужили причиной его фактически ссылки когда-то в Ближний космос, были лишь цветочки. Тогда он ещё опасался говорить совершенно открыто.

Сейчас это законченная система идей – стройная, монолитная. С четко сформулированными выводами. Аргументация мощнейшая – чувствуется Лал с его колоссальной эрудицией. Чувствуется, и насколько продуманы все основные моменты.

– Всё ли правильно передала Лейли? По-моему, она не всё как следует поняла: запинаясь, кое-где – явно путает.

– Всё равно: для нас сказанное Даном может оказаться ещё хуже, но уж никак не лучше. Ай да Лал! Мы-то тут радовались, что надолго от него избавились – дружно так тогда проголосовали за его включение в состав экспедиции. А он ведь знал – знал, что делал. Убедился, что в лоб не возьмешь – притих до поры до времени. Рассчитал: там ему уже никто не сможет помешать.

– Ну и прекрасно, что он не вернулся!

– Ерунда, мой милый: он себе подготовил слишком сильную замену – Дана. Самого гениального, самого популярного из всех ученых нашего времени. Который в состоянии сделать то, что не мог сам Лал. Тонко он всё рассчитал! – Йорг сжал кулаки. – Дан! И не Дан вовсе он – нет больше Дана: тело его – от неполноценного, а мозг – Лала! – он вдруг как-то обмяк. – Прощай, Милан. Я хочу побыть один, подумать. – Йорг поспешно выключил связь: никак не хотел, чтобы Милан успел заметить, что страх начинает овладевать им.

45

С завтрашнего дня они начнут жить как все: карантин закончился. Переедут в Звездоград, где прожил Дан почти всю свою первую жизнь. Изготовлен специально большой блок для всей семьи. Только Дочь, вероятно, будет большую часть недели жить в лицее, как другие дети её возраста, но это будет не сразу: вначале, пока привыкнет, после занятий и игр будет приезжать домой.

А сейчас ей приходилось привыкать к имени. Ей самой позволили выбрать его: это должно было облегчить дело. Она сравнивала разные имена, которые ей предлагали, повторяла их, думала, снова повторяла – и под конец заявила:

– Я сама придумала: пусть мое имя будет Дзя. Похожее на ваши оба.

– Кажется, на древнейшем греческом языке это значило: богиня, – заметил Отец.

– Ну и что: она неземного происхождения – явилась с небес, – поддержал Сестру Сын. – И глаза её – как звезды.

– Сынок, да ты стал поэтом, – улыбнулась Мама. – Ладно: будь Дзей.

– Но вы-то всё будете называть меня по-прежнему?

– Конечно. Но до конца карантина только по имени: чтобы ты привыкла. И тебя, Сын, тоже.

Привыкать к именам – если бы только это. Куда более серьезным было прохождение собеседований с педагогами, которые должны были определить их знания и степень подготовленности.

Чтобы не создавать лишней нервной нагрузки, педагоги появлялись как гости. Собеседование проходило в самой непринужденной обстановке, часто – даже вне дома. Экзамены, во время которых они должны были выполнить предложенные им задания, были проведены уже в самом конце.

Дан и Эя не присутствовали на собеседованиях. Иногда только видели, как Сын или Дочь идут с педагогами по тропинке и что-то говорят. Непринужденно и спокойно. А Они – волновались: знали, что самый серьезный экзамен сейчас держат сами.

Как оценят их Детей? Они учились, как все дети на Земле – по тем же программам: родители уделяли этому огромное внимание – наряду с важнейшими делами, ради которых прилетели на Землю-2. Но на Земле рождение детей было не безразлично слишком для многих. Те, кто были противниками Лала при его жизни, наверняка могут попытаться предпринять что-то, чтобы опорочить факт появления на свет детей, рожденных не неполноценной. Нет ли таких среди экзаменаторов? Как знать!

Только сегодня Они вздохнули легко: комиссия вынесла решение по результатам проверки. Положительное: развитие детей соответствует их возрасту; дальнейшую учебу они могут продолжать в обычных учебных заведениях без какой-либо дополнительной подготовки. Отчет комиссии состоял из очень большого числа пунктов, отражавших подробно все частные моменты развития Сына и Дочери: были отмечены как сильные, так и слабые стороны его.

Они сравнительно плохо знали географию Земли, и не удивительно: с ней они были знакомы только по учебным материалам. Зато прекрасно знали географию Земли-2, на которой побывали почти везде, и видели всё собственными глазами. Особенно юноша: он знал её исключительно и помнил всё удивительно точно, до мельчайших подробностей.

Нечто подобное и с ботаникой: оба прекрасно разбирались во всем, что касалось деревьев в лесах Земли-2, многих видов овощей – выращиваемых там ими самими; остальное также по учебным материалам.

Прекрасно знали историю. Знание математики: у девочки – в пределах нормы; у юноши – отличное, особенно в областях, имевших прикладное значение. Нормальные или высокие оценки знаний по остальным дисциплинам.

Отмечалось, что юноша знал также многое из того, что входило в учебные программы более поздних ступеней обучения: мог вести космический катер, знал подробно технологии производства различных материалов, умел многое самостоятельно конструировать.

Развитие девочки – с большим уклоном в сторону гуманитарных и художественных дисциплин.

– Молодцы, Дети!

За праздничным вечерним столом Мама заказала какие-то необыкновенно вкусные блюда; потом Отец играл на оркестрионе, и все, кроме Сына, пели. Сын только слушал. Молча, с отсутствующим взглядом: мысли его были где-то далеко.

Спать разошлись рано.

– Всё прошло гладко. Непонятно, почему? – вслух думал Дан, лежа рядом с Эей.

– Что-то изменилось.

– Не похоже пока. Судя по тому, что удалось узнать. Слишком немногому: из всех, кто у нас был, никто непосредственно не связан с неполноценными.

– Ева бы ответила на многие наши вопросы.

– Она ни разу не дала знать о себе.

– Справочник ответил, что она жива и здорова. И при этом, на мой вызов не отвечает, хотя я пользовалась её пластинкой. Понимай, как хочешь. Ладно, Отец, спи: завтра нам надо быть в форме.

– Я, пожалуй, немного поброжу по саду: не усну сейчас.

– Недолго только, хорошо?

– Конечно.

Дан накинул на себя плед, и, выйдя, уселся на ступеньке. Ночь была ясная, небо всё усыпано яркими звездами. Дан взглядом отыскал созвездие Тупака: там прах Лала. Лала Старшего, как будут называть его с завтрашнего дня в отличие от Сына, Лала Младшего.

Завтра! Завтра начало того, к чему готовились они на Земле-2. Завтра, может быть, удастся уже что-то узнать. А узнать надо много – всё. Чтобы понять, как действовать. До того – осторожно: придется набраться терпения – как Лалу когда-то. Он предупреждал: в лоб здесь не возьмешь.

Так! Надо, всё-таки, походить – а то начинает зябнуть.

Глаза уже настолько привыкли к темноте, что различали почти всё. Но человеческая фигура в дальнем углу сада так неподвижна, что Дан чуть не наступил на нее.

Сын! Лежит в полурастегнутом спальнике: для него ночлег под открытым небом, без всяких колпаков и крыш – самая большая роскошь из возможного на Земле.

Не спит: глаза его обращены к звездам. Конечно, к созвездию Тупака.

– Почему ты не спишь? – Дан опустил рядом с ним. – Волнуешься, как пройдет твое появление среди универсантов?

Сын не отвечал, – казалось, даже не слышал. Глаза его были неотрывно устремлены в небо.

Потом, словно очнувшись, он повернул их к отцу, и тот прочел в них тоску. Неожиданно он поразил Дана вопросом:

– Отец, а когда мы вернемся туда? – Сын протянул руку к небу.

Сердце Дана сжало болью: он понял, что его сын – не землянин; он ни за что не останется с ними надолго – улетит, чтобы снова очутиться там, на ещё мало уютной планете. Его родине. Первый сын Земли-2.

А Они с ним улететь не смогут. Пока не воплотят в жизнь идеи старшего Лала. На это уйдут многие годы. Может быть, вся оставшаяся жизнь.

Радости возврата к обычной жизни поглотили в первые дни Дана и Эю с головой. Встречи с друзьями, учениками, коллегами, знакомыми; – они с жадным удовольствием окунулись в море общения с уймой людей. Это нисколько не утомляло их.

И в эти же дни получили некоторую информацию, которая лишь подтвердила то, что им уже было известно. И ничего более.

Ева не отзывалась. Можно было попробовать связаться с ней через Ли, если бы он не был вызван в Космос ещё во время карантина. Он даже не отдохнул как следует после спасения астронавтов – но там, в Ближнем космосе, случилось что-то, и требовались лучшие из спасателей. Когда-то он вернется!

– Что будем делать, Отец?

– Я хочу понять: уяснить обстановку до конца. Слишком странно они себя вели. Проверка знаний Детей – самый удобный момент: почему они им не воспользовались?

– Что могут они сейчас сделать с нами – с тобой? Слишком понимают. Предпочли не заострять общее внимание.

– Наверно, ты права, Мама. Пытаются сделать вид, что ничего особенного не произошло. Выставить появление наших Детей как чистый эксперимент, проведенный в исключительных условиях, из которого следует только, что дети выживают на Земле-2 и в Большом космосе. И ничего больше. Никаких дальнейших – социальных – выводов. Они, действительно, большинству и в голову не приходят.

– Значит, они боятся тебя – твоей популярности: она создает обстановку не в их пользу. Именно сейчас и надо этим воспользоваться. Ты должен выступить по всемирной трансляции.

– Ни в коем случае. Вспомни все, что рассказывал Лал. Его взгляды были слишком неожиданны для всех: никто не хотел его слушать.

– Тебя будут!

– Но не поймут. Это их лишь ошарашит. Сыграет только на руку недругам Лала.

– Что предлагаешь ты?

– Не торопиться. Будем знакомить с взглядами Лала отдельных людей: пусть они рассказывают о них другим, передают от одного к другому, обсуждают их и спорят. Распространяясь постепенно, они верней укоренятся в сознании многих. Тогда у нас появятся единомышленники, а не оппоненты.

– И все? Нет! Нужны дела, примеры.

– Появление у нас Детей – пока главный пример.

– Ты же сам говоришь, что большинство из этого не сделали никаких выводов – ничего не поняли.

– Дай им время: поймут.

– А до той поры ждать?

– Вести пропаганду.

– Недостаточно! И того, что мы там сделали – оказывается, тоже. Нужно, чтобы появился хоть один ребенок, рожденный настоящей матерью здесь уже, на Земле. Но я сама...

– Я знаю.

«Знаю. Ты не можешь – смерть Малыша стоит перед твоими глазами. И перед моими».

– Надо действовать. Действовать! – упрямо повторила Эя. – Я знаю – были женщины, желавшие сами родить ребенка. Педагоги. Ева говорила мне об этом: тогда, перед отлетом. Она сама – тоже.

– Опять Ева?

Но новые попытки вызова Евы ничего не дали: сигналов отзыва не было. Почему: не хочет говорить с ними?

Решили связаться с Ли, не дожидаясь его прилета. Дан заказал сеанс космической связи с ним. Но вместо Ли на связь вышел врач космической станции на Минерве. Ли находился в госпитале: сильно покалечен во время последней операции спасения, на которую был тогда внезапно вызван. Сейчас жизнь его вне опасности, но он долгое время будет прикован к кровати после сделанного ему хирургического ремонта. Весть страшная!

– Он выкарабкается, Мама. Ты слышала: врач сказал! Но ему придется долго лечиться – мы не скоро увидим его.

– Надо было обратиться к нему, пока он был на Земле. Он-то с Евой наверняка общался. Ну ладно, делать нечего: сама отправлюсь к ней.

– Не заставишь же ты её говорить с тобой, если окажется, она, действительно, не хочет!

– Заставлю – как-нибудь. Главное – разыскать её, увидеться.

– Это же будет страшным нарушением этикета.

– Пусть: надо! Кстати, я, кажется, знаю, как на нее воздействовать: возьму с собой Дочь. И откладывать не буду: полетим в эту пятницу.

Дети возвращались домой всегда полные впечатлений и сразу начинали рассказывать и обсуждать увиденное и услышанное за день.

Пока вхождение в обычную земную жизнь давалось им легко. У обоих сразу появились постоянно окружавшие их товарищи, которые старались показывать и знакомить со всем, что они не могли увидеть вне Земли. Они расплачивались рассказами о Земле-2 и Дальнем космосе. Отношение к ним не только товарищей, но и педагогов было, конечно, особым: они были, всё-таки, не такие, как все.

Дети не торопились после занятий домой – появлялись лишь к ужину. Но заканчивать день вне привычной обстановки, без родителей, они бы не смогли.

...Сын был, казалось, не в своей тарелке – чем-то смущен.

– Со мной сегодня говорил сексолог, – после ужина сказал он Отцу наедине. – Спросил, не хочу ли я пойти к гурии. Разве это надо сразу?

– Нет: ты имеешь право подождать.

– Отец, а вообще – это обязательно?

– Все твои сверстники в первый раз имеет дело с гурией.

– Я бы не хотел этого совсем. Не могу относиться к гуриям, да и ко всем неполноценным, как все. Ты же сам говорил. Я ведь ношу имя Лал.

– Верно, Сын!

– Ну да! И потом: нужно ли так? Мне хочется, чтобы – как у вас: у тебя и Мамы. Это правильно?

– Думаю, да. Хоть, может быть, не для всех. Ты можешь делать, как захочешь.

– Понимаешь, хуже, что ребята пригласили меня сходить на эротические игры. В эту пятницу. Нужна какая-то серьезная причина, чтобы их не обидеть: я, всё равно, с ними не пойду.

– В пятницу мы отправимся с тобой на рыбалку. Есть одно озеро: я был там незадолго перед отлетом на Землю-2. Вместе с Лалом. Для твоих товарищей этого, по-моему, достаточно.

– Да – вполне!

И он начал делиться с Отцом своими планами: облетать всю Землю, увидеть собственными глазами все её уголки. И все растения. И всех животных: пока что ему больше всего понравилось в зоопарке.

– Но всех их мы туда брать не будем: по крайней мере, вначале, – привычно свел он под конец всё к своей Земле-2.

46

На ракетодроме детского острова никого не было. О месте работы Евы Эя узнала там же по справочному компьютеру: в другой части острова, куда пришлось добираться аэрокарром.

На лужайке, как когда-то, босоногие дети в пестрых ситцевых трусиках делали с инструктором зарядку. Рядом, под деревом, сидела женщина. По-видимому, педагог – дожидалась конца зарядки, чтобы повести группу завтракать. Она не обращала внимания ни на садившийся аэрокар, ни на то, что Эя с Дочерью подошли к ней. Даже не повернула голову.

– Доброе утро! – поздоровалась Эя.

Женщина вздрогнула и подняла, наконец, голову. В глазах её почему-то мелькнул ужас. Незнакомая.

– Эя?! – хриловато спросила она.

– Ева! – Эя вдруг узнала её – она была слишком не похожа на прежнюю Еву: осунувшаяся и худая, внешне много старше своих лет. Глаза – потухшие.

Было видно, что она в таком состоянии, когда ни о чем расспрашивать нельзя. А это так нужно сейчас!

«Спокойно!» – Эя напряглась: «Ничего: ты заговоришь».

– Это моя дочь. Её зовут Дэя.

– Дочь... – в глазах у Евы что-то загорелось.

– Хочу показать ей детей на Земле. Ты сможешь?

– Да. Помогу, – глухо отозвалась Ева.

Она дала детям выпить сок и сразу повела в столовую.

Они завтракали там же, за отдельным столом. Ева угрюмо молчала, и Эя старалась ничем не выдать свое нетерпение.

– Поведи нас, пожалуйста, сначала к самым маленьким, – попросила она Еву, когда встали из-за стола.

– Заменяю тебя, – сказала Ева помощнице-практикантке. И они пошли в ясли, к грудничкам.

– Маленькие! – широко раскрыла глаза Дэя. – Можно взять его на руки, сеньора?

– Только осторожно.

– Не бойся, Ева: она – всё знает.

Кормилица передала Дэе младенца, и девочка бережно взяла его.

– Она держит умело! – заметила удивленно Ева.

Дэя крепко прижимала младенца к себе. Лицо её побледнело, губы дрожали.

Ева молча посмотрела на кормилицу. Дэя отдала ей ребенка, подошла к матери. Голова её была низко опущена.

– Что с тобой, девочка? – спросила ещё ничего не понимающая Ева. Вместо ответа Дэя вдруг задохнулась рыданием.

– Малыш! Маленький! – прорвалось у нее сквозь плач. Ева схватила её, прижала к себе.

– Не плачь, дочка, не плачь! Ну же! – Сумела успокоить её – и только тогда отпустила.

Повернулась сразу к Эе.

– Нам нужно поговорить! – глаза её горели – это была снова прежняя Ева, с решительными, энергичными жестами.

– Очень нужно, Ева! Из-за этого я и прилетела.

– Пойдем: я сейчас не смогу сидеть – мне надо двигаться.

– А мне можно ещё здесь остаться? – попросила Дэя.

– Если не будешь плакать. Да? – она ласково погладила девочку по голове.

– Не буду, – я обещаю.

– Ну, оставайся. Жди нас здесь. Когда проголодаешься, закажи обед: робот привезет его тебе в кабинет.

– Может быть, я пообедаю с ними? – Дэя показала на нянь.

– Нет, это – лучше не надо.

По мере того, как они удалялись от яслей, Ева всё больше сникала снова. Но Эя не собиралась отступать, хоть первая и не начинала разговор.

– Хорошая у тебя дочка, – наконец произнесла Ева.

– Хорошая! И сын у меня тоже хороший. У меня с Даном.

– У тебя с Даном, – задумчиво повторила Ева.

– Я хотела тебе первой показать наших детей – в их появлении на свет есть и твоя заслуга.

Но ты не навестила нас. Почему? Почему даже не отвечала на мои вызовы? Ведь ты дала мне свою пластинку.

– Много почему, как много! Сколько воды утекло с тех пор.

– Что случилось с тобой?

– А! Да ничего.

– Ты хотела поговорить.

– Пожалуй, передумала.

– Что с тобой?

– Со мной? Ничего. Просто устала от всего.

– От чего?

– Я же сказала: от всего.

– Ну-ка, – вдруг решительно заговорила с ней Эя: – Расскажи мне! Всё до конца.

– Что тебе рассказать?

– Что случилось с тобой: отчего ты стала такая.

– Кто дал тебе право требовать?

– Ты. Сама. Я – мать. Ты этого хотела.

– Хотела, – эхом отозвалась Ева.

– Ты и Лал. Ты ведь была его другом. На Земле не было никого, кто был бы ему по взглядам ближе тебя.

– Да: было. И нет больше. Прошло. Я уже теперь ничего не могу.

– Не смей так говорить!

– Ты уже даже кричишь на меня?

– Кричу! Почему ты думаешь, я – не должна кричать? Или ты уже забыла, почему рыдала дочка? Ты думаешь, я – спокойно смотрела на малышей? Разве – ты не знаешь?

– Знаю! Прости меня, – обняла её Ева. – Да: я знаю – одного ребенка вы потеряли.

– Нашего Малыша, – Эя чувствовала, как охватывает её слабость. Напряжением воли заставила взять себя в руки. – Ева, ты должна мне рассказать – всё. Немедленно.

– Да, сестра. Садись. А ещё лучше ляг на траву. Я сейчас. Только соберусь немного с мыслями. Не так-то легко начать. Я буду говорить не совсем связно, ты уж не обижайся.

Она села рядом.

– Вот так.

Вы улетели, когда мы только добились первых ограничений отбраковки. Мы – педагоги и врачи. Не все – только те, кто занимается детьми трех первых ступеней. На которых производится она – отбраковка.

И Лал был когда-то с нами. В самом начале. Но он хотел не только то, что мы. Лал высказался и против существующего использования неполноценных вообще, – и его никто не поддерживал. Даже мы. Я тоже: не очень понимала, что он хочет. Его услали в Ближний космос.

Дальше мы продолжали без него. Когда после обновления Дана он вернулся из Космоса, то в нашем движении уже не участвовал. Совсем. Не знаю, почему. Может быть, потому, что стал готовиться вместе с вами к полету туда.

– Ева, он нашел другой путь, – прервала её Эя. – Во время полета туда он раскрыл нам глаза на всё, что творится. Мы потеряли его там сразу же, и то, что он хотел, сделали уже без него. И будем делать дальше. Потом я расскажу обо всем. А теперь извини, что перебила тебя. Продолжай, пожалуйста!

– Подожди! Вы хотите того же, что хотел Лал?

– Да, Ева. Теперь это – главный смысл нашей жизни.

– Да вы понимаете, что это значит? Одни, – кто вас поддержит?

– Пока – только один. Может быть, ещё кто-то, кого мы успели ознакомить с взглядами Лала.

– И кто он, тот один, который уже сейчас с вами?

– Ли, Ева. Твой Ли.

– Вы не понимаете, какой опасности подвергаете его!

– Понимаем. И он понимает. Но мы знаем и меру нашей силы. А Ли не боится опасностей.

Кому, как не нам, кого он спас, сделав невозможное, не знать это? И я верю, что и ты будешь с нами.

– Я? Не знаю, – она снова сникала. – Прости, но мне теперь трудно говорить.

– Нет: продолжай!

– Хорошо, – не сердись, пожалуйста.

– Вы дальше продолжали без Лала... – подсказала Эя.

– Да. И нам удалось тогда добиться ограничения отбраковки. Частичного – но всё же это была победа: за часть детей мы уже могли не бояться.

«За счет увеличения потомства неполноценных», подумала Эя, но ничего не сказала: боялась снова перебить и так с трудом говорившую Еву.

– Мы добились победы без привлечения к решению вопроса всего человечества. Наши противники отступили – видимо из-за страха, что, придав нашему движению широкую огласку, мы добьемся гораздо большего: кризис кончился, и люди немного оттаяли, стали менее безжалостными и к себе, и к другим.

Единственным аргументом наших противников была ссылка на то, что и в нынешних условиях требуется не меньшее напряжение – для решения грандиозных задач, связанных с освоением новой планеты. Поэтому ограничивать отбраковку в ещё большей степени нельзя.

И это убедило даже кое-кого из участников нашего движения. Наши ряды поредели. А те, кто были против, усиленно пропагандировали свои доводы против нас.

Кампания продолжалась, но уже с очень малыми результатами. Мы, пожалуй, поздно обратились ко всему человечеству, и всемирное голосование слишком мало нам дало. Но всё равно – мы продолжали бороться.

Я всё больше начинала понимать, что дальше почти ничего не добьемся, не устранив основное условие возможности отбраковки: дети не должны быть общими – а, по сути, ничьими. Для этого женщины – все, а не одни неполноценные роженицы, сами должны рожать и растить детей. Тогда им уже не была бы безразлична судьба их ребенка, и отбраковка не смогла бы больше существовать. Она исчезла бы. Начисто.

Что ты так смотришь? Я ведь, когда тебе говорила, что женщины должны сами рожать, думала лишь о том, что нам самим это нужно. Природная потребность, заложенная в нас, женщинах, без удовлетворения которой мы чувствуем отсутствие в жизни чего-то существенного. И только.

Слишком много времени прошло, пока мы поняли, что это и единственное средство уничтожения отбраковки.

– Но ты же сказала это Лалу во время вашей первой встречи! Он сказал, что именно ты подсказала ему его тогда. Разве ты не помнишь?

– Сказала, да. И потом забыла почему-то. Вспомнила об этом гораздо позднее, намного, – уже после того, как снова пришла к такому же выводу. Уже вне всякой связи со сказанным когда-то Лалу.

Это был не только мой вывод. Мы подошли к нему вместе: я и ещё несколько женщин – из тех, кто боролся против отбраковки. Если бы Лал был с нами, мы бы, наверно, не потеряли бы столько времени, чтобы понять это. Мы не умели видеть так глубоко и широко, как он – видели лишь свои ближайшие цели.

Таких, которые поняли связь между самостоятельным рождением детей и отбраковкой, было ужасно мало. И главное, никому из нас не хватало решимости на это: боялись, что детей сразу отберут, и мы ничего не сможем сделать – общественное мнение будет против нас.

Но время шло; наша борьба практически приостановилась, потому что больше уже ничего не давала. И тогда я сама решила первой сделать это.

– Ева! – еле слышно произнесла Эя.

– Это скорее было похоже на акт отчаяния. Даже ближайšie подруги с ужасом восприняли мое решение. Но я решилась бесповоротно.

Ни один мужчина не соглашался стать отцом ребенка. Я пошла на хитрость, как это ни было противно: сплела пальцы не с одним, чтобы никто из них не мог винить наверняка именно себя в моей беременности.

Прекратила применять противозачаточные средства, но долго ничего не получалось. Это приводило меня в отчаяние.

И всё-таки я забеременела. Знаешь, трудно передать всё, что я почувствовала, узнав, что во мне появился он – мой ребенок. Но ты-то поймешь: ты одна. Ты помнишь – свою первую беременность?

– Конечно! Всё сразу: и волнение, и радостное ожидание. И Дан – как он тоже волновался и радовался. Как он меня опекал!

– Да: у тебя всё было иначе.

А мне приходилось таиться. Только мои ближайšie подруги знали. Врач, которая наблюдала меня, была из их числа: я приходила к ней в ясли в такое время, когда ни с кем не могла столкнуться, и после обследования она записывала мои подлинные данные в свой личный архив. Носила платья, покрой которых долго скрывал росший живот. Нам казалось, что никто ничего не знает.

Но шило в мешке не утаишь. На самом деле, о моем положении догадались няни и кормилицы – неполноценные, на которых мы с врачом не очень обращали внимание. Между собой они говорили, что «у доктора Евы живот как у роженицы становится». Постепенно об этом стали знать все неполноценные нашего острова. Но почему-то они никому из полноценных об этом не говорили.

Их – видимо, случайно – подслушала одна из наших практиканток. Я это знаю почти наверняка: меня неприятно поразило, как внимательно, широко раскрыв глаза, рассматривала она меня. Через три дня она улетела – её практика кончилась.

И через неделю к нам прилетела комиссия: несколько гинекологов и один из главных генетиков – профессор Йорг. Прилетели из-за меня. Конечно, сообщить могла только она: здесь мы друг друга слишком хорошо знаем – любой из педагогов или врачей в первую очередь поговорил бы со мной.

Они сразу обследовали меня. Да собственно, всё было ясно, как только я разделась, чтобы лечь на кибер-диагност.

Я старалась не показать вида, что волнуюсь.

– Мальчик, – сказал один из врачей.

– Мальчик, – повторил Йорг. – Впрочем: это несущественно. – И он вышел из кабинета. Врачи мне ничего не говорили, – они все казались смущенными.

...Йорг ждал меня у входа.

– Если не возражаешь, давай пройдемся, – сказал он довольно любезно. – Нам надо поговорить и спокойно всё обсудить, коллега.

– У нас, кажется, разные специальности, сеньор.

– Я в более широком смысле: мы коллеги по общему делу – воспроизводству человечества. И так, я хочу понять: почему ты, обнаружив свою беременность, не приняла нужные меры?

– Потому что не хотела её прерывать, – ответила я.

– Не понятно.

– Я забеременела сознательно: хочу стать матерью.

– Опять не понятно.

– Попытаюсь тебе объяснить. Если сможешь – постарайся понять: я хочу родить ребенка. Своего, сама. И потом растить его.

– Зачем? Есть роженицы, неполноценные, и няни, тоже неполноценные, которые ни на что другое не способны. И они прекрасно справляются со своим делом. А ты, полноценная женщина, можешь целиком посвятить себя своему, не отвлекаясь на то, что, к счастью, могут они. Каждому свое. Таков порядок, благодаря которому мы, человечество в целом, сумели достичь немало.

– Мы просто не замечаем, чем расплачиваемся за этот порядок.

– Чем же?

– Утратой одной из самых высших человеческих радостей – общения родителей с собственными детьми. Которых сами родили, сами вырастили. С которыми возятся с самого их рождения – и от этого они становятся дороже всего на свете. Этим расплачиваемся.

– Разве ты не любишь своих воспитанников?

– Люблю, конечно. Но любовь к детям – чувство, необходимое не только мне, педагогам, детским врачам: всем, каждому человеку. И тебе.

– Так, так! Неужели ты считаешь, что дети, все дети, не окружены любовью? Не получают всё, что возможно, чтобы гармонично развиваться? Разве человечество не отдает им самое лучшее, что имеет? Разве дети не дороже всего всем нам? Они наши общие дети, дети всего человечества!

– Нельзя, уважаемый профессор, любить всех сразу – не зная в отдельности никого. Это не та любовь – это любовь вообще: её недостаточно. Дети фактически целиком переданы нам – педагогам: остальные почти не имеют к ним отношения. Мы, их воспитатели, действительно их любим, но нас слишком мало, чтобы отстоять их от того, что с ними делают – с нашим участием, к ужасу. Со спокойной совестью, уверенные в необходимости этого. И всё остальное человечество так же спокойно допускает это.

– Это: отбраковка?

– Да, будь она проклята!

– Ты и твои единомышленники не отдаете себе отчет в пагубности того, чего добиваетесь! Природа не создала всех людей одинаковыми.

– Она создала их всех людьми: с человеческим сознанием и чувствами. С человеческой душой.

– Душа – это мистический бред: годится лишь для плохой поэзии. Человечество исходит их реальных различий интеллектуальных потенциалов конкретных индивидуумов и соответственно определяет каждому его функциональное место. Это обеспечивает максимальную результативность деятельности всего человечества.

– Перепевы эпохи кризиса! Он кончился. И отнюдь не благодаря тому, что ты и другие продолжаете утверждать. Сейчас подобная жестокость уже не имеет оправдания.

– Вам мало того, что вы добились? Мечтаете совсем прекратить отбраковку?

– Это было нашей целью с самого начала.

– И возврат женщин к рождению детей – средство её осуществления?

– Да, – хотя не только для этого. Я уже говорила тебе.

– Ну, так, подведем итог: твоя беременность – не случайность, а преднамеренный, обдуманный акт осуществления вашей программы.

– Да: кто-то должен был сделать это первой.

– Мне всё ясно.

– Наш разговор закончен?

– Почти. Позволь только задать тебе только кое-какие вопросы, интересующие меня как генетика.

– Пожалуйста.

– Благодарю. Кто отец ребенка? Ты понимаешь, что меня интересует?

– Не знаю.

– То есть?

– Возможных отцов достаточно много.

– Исчерпывающий ответ! И какой же генотип ребенка ты можешь ожидать?

– Вы его – всегда заранее определяете?

– С не сопоставимо большей вероятностной надежностью, чем в твоём случае. Оптимальный подбор пар производится нами, как ты знаешь, после тщательного анализа с помощью специально только для этого предназначенного суперкомпьютера.

– Почему же тогда все дети не рождаются достаточно способными?

– Потому что это – абсолютно невозможно. И ты это знаешь. Зато мы обеспечиваем максимум одаренных, возможный на сегодняшний день. Исключение подбора повлечет за собой потомственную деградацию. Аргумент этот – против тебя. Тебе есть над чем подумать. У меня на сегодня всё.

Он сам вызвал самоходное кресло для меня.

Несколько дней Йорг не связывался и не встречался со мной. Я провела их в тревоге: мы гадали, что он предпримет.

– Рассчитывал, что от неизвестности у тебя сдадут нервы? – спросила Эя.

– Должно быть. Но когда, наконец, вместо радиовызова он появился сам рано утром в моей школе, в его поведении не было и следа враждебности.

Дети делали зарядку. Я, как всегда, сидела возле площадки – наблюдала. Потом внезапно, ещё не видя, почувствовала его присутствие и вздрогнула. Как сегодня.

– Ну что ты, сестра! Нельзя же так: разве ты меня боишься? – улыбаясь, сказал он.

– С чего ты взял?

– Конечно: отчего ты должна бояться? Доброе утро!

– Приятное утро, сеньор.

– Я хотел бы с тобой поговорить.

– После завтрака. За это время я вызову себе замену – практикантка ещё неопытная.

– Хорошо, я приду после завтрака.

– Зачем? Лучше останься – понаблюдай за детьми. Разве это не доставляет тебе удовольствие?

– Я не против, – согласился он сразу.

Он как-то задумчиво смотрел на детей.

«Смотри, смотри!», думала я. «Это тебе полезно: может быть, что-нибудь поймешь».

После зарядки дети подошли к нам. Я его им представила – он только молча кивнул им головой в знак приветствия.

...После завтрака состоялся наш второй разговор.

– У нас обоих было время подумать, сестра.

– Над тем, что ты назвал аргументом против меня? Я и тогда могла сказать, что ты прав...

– Вот видишь, ты и сама это признала.

– ... но – всего лишь частично. Это ещё не вся правда и не единственный императив.

Подожди спорить, – сперва ответь мне вот на какой вопрос: не хотелось ли тебе погладить кого-нибудь из детей по головке?

Я, видимо, застала его врасплох этим вопросом: ему явно не хотелось признаваться, что подобного желания у него не появлялось.

– Нет! – всё же вынужден был сказать он.

– Вот видишь! Значит, у тебя нет любви к ним – ты не можешь дать им и капли ласки.

А у нас любовь к детям является непременным условием возможности заниматься ими.

– Не понимаю, что ты этим хочешь сказать?

– Что непонятно: как, не любя детей, ты можешь иметь к ним отношение?

– Знаешь, тебе не удастся вывести меня из себя. Ты напрасно пытаешься. Не улыбайся, пожалуйста: у тебя для этого слишком мало причин. Не понимаю, почему ты стараешься помешать мне помочь тебе?

– Помочь? Вы только не мешайте!

– Нет уж! Мы и так – слишком долго вам нее мешали как следует. Но дальше – нет!

Не надейтесь. Слишком много вам удалось натворить. Теперь и вы, и мы подошли к пределу. Вы добиваетесь своего, воздействуя на эмоции людей – и только на них. Мы обратимся к их разуму: а разум современных людей сильнее их эмоций. Объясним, какой вред вы уже успели нанести и нанесете ещё, если вас не остановить сейчас. Мы в состоянии это сделать – большинство за нас. Вспомни: поддержали ли люди Лала?

– Его ещё не поняли.

– Даже вы не поддержали его. И если бы мы проявили настойчивость, вся Земля проголосовала бы за объявление ему бойкота. Но мы понимали, что каждый может заблуждаться – дали ему убедиться в собственной неправоте. Ну, и что же? Он понял и, вернувшись из Малого космоса, больше не заикался о прежнем. Он был разумным человеком: вместо того, чтобы продолжать упорствовать в своем заблуждении, занялся поистине великим делом – полетел осваивать новую планету. Последуйте лучше его примеру!

«Лал уступил вам? Плохо вы его знаете!»: я вспомнила, как он привозил вас перед отлетом. Но ничего Йоргу не сказала: это был не противник, с которым спорят – враг. Я видела, что он меня щадить не станет. Но знала, что этот враг, к несчастью, гораздо сильнее меня.

– Вот тебе альтернатива: или прекращение беременности, или наше требование бойкота тебе. В результате его мы не сомневаемся. И ты – тоже.

Я молчала: да, не сомневалась.

Значит, этот упырь хочет убить моего ребенка, которого я ношу под сердцем! Эя, сестра, знаешь ли ты, что такое чувство ненависти? Я вот – знаю. И знаю, как можно хотеть убить человека.

Да, человека. Если бы он был волком, это было бы не так страшно. А он был наделен разумом, и немалым. Он понял гораздо больше, чем я предполагала, но по-своему – чтобы обратить против меня.

– Угроза бойкота не может утратить тебя. Ещё бы: ты приносишь себя в жертву вашей великой цели – и уже заранее видишь себя в героическом ореоле. Но ты подумала, что тебе придется пожертвовать не только собой?

– Я за всё готова ответить одна.

– Ты ещё не поняла. Ты думаешь о враче, которая помогала тебе? Нет – не она.

Не она? Кто? Не отец же ребенка – его и не знают, и обвинить не в чем. Йорг молча смотрел на меня и улыбался. Зловеще. Уверенно.

И вдруг будто током пронзило: Ли! Мой дорогой мальчик – почти сын. Которого спасла от верной отбраковки, и которого любила больше всех на свете. И он меня – ближе меня у него тоже никого не было. Я останусь ему самой близкой – чтобы со мной не случилось. Он не отречется от меня, если я подвергнусь бойкоту – и тогда бойкот ждет и его.

– Тебе не жалко его? – спросил Йорг, который, казалось, прямо читал мои мысли. – Нет? Чего же стоит тогда твоя любовь?

– Я запрещаю ему сама общаться со мной: скажу, что так нужно.

– Не поможет, Ева: он любит тебя – он никогда от тебя не отречется. Любовь самое высокое и самое сильное чувство, не правда ли? – Много, слишком много он, оказывается, понял. – Ты не подумала о нем раньше? Странно. Ну, подумай теперь. Завтра утром жду твоего ответа. Я даю тебе шанс, и если ты им не воспользуешься, то винить за последствия сможешь лишь себя. До свидания! – И он быстро ушел.

День тянулся томительно долго. Я продолжала заниматься делами, машинально, и непрерывно думала: как быть?

Наконец, вечером, когда дети были уложены, мы собрались вместе. Никто ничего предложить не мог – я должна была решать одна. Постепенно подруги разошлись.

Ну, и ночка же была! Я лихорадочно думала, искала выход: как сохранить ребенка и одновременно не погубить Ли? Как, как??

Зачем же я тогда спасла Ли, если способна сломать его жизнь сейчас? Имею ли право на это? Ведь ребенок ещё не родился – а Ли живой, сознательный. Лучший космический спасатель Земли – что ждет его на очень долгие годы?

Если бы не он, я бы не дрогнула. Но я, действительно слишком сильно любила его. Видимо, больше того дела, за которое боролась, – ради которого хотела родить ребенка и была готова испытать бойкот. Одна.

И вот – не выдержала, сдали нервы: к утру я уже была готова. Не сообщая ничего своим, связалась с врачами из комиссии и сказала, что хочу с ними немедленно встретиться.

Они все ждали меня в поликлинике, – Йорга среди них не было.

– Подруга, ты хочешь, чтобы мы помогли тебе исправить случившееся? – спросил один из них.

Я не могла ответить: да, горло сдавило. Кивнула головой.

– Хорошо. Сделаем.

– Только немедленно, – прохрипела я, – пока я не передумала.

В сопровождении двух из них меня доставили аэрокаром в наш импланторий. Там хирург, занимающийся имплантацией зигот роженицам, произвел аборт. Операция прошла быстро – хирург был опытный: аборт роженицам иногда делать приходилось. Гинекологи из комиссии зачем-то тоже присутствовали при операции.

И всё! Пусто стало, как будто мне не матку опустошили – душу. Я словно сломалась: не могла ни говорить, ни есть, ни спать. Неделью держали меня в клинике на электросне и внутривенном питании. Восстановили мне физическое состояние, а душевное – только Йоргу пожелаю того же!

Лишь через месяц вернулась в школу. С детьми мне стало полегче. Но с взрослыми почти не общалась – не могла.

...А ещё через месяц услышала сообщение о вашем возвращении.

Мой Ли улетел вместе с другими встречать вас. Вся Земля жила сообщениями о ходе вашего спасения.

Только никто не ждал, как я. Ждала, что прилетит человек, который знает, что делать. Как он мне был нужен!

Вас показали на экране: вы были как тени, и с вами дети – никто, кроме меня не понимал, что это значит. А Лала не было: он не прилетел.

Но я видела: дети, настоящие дети! Рожденные тобой – самой. Ты – мать! Я уговаривала тебя сделать это. И ты – сделала. А я? Как теперь глядеть тебе в глаза?

Другие радовались – я не могла без ужаса представить себе встречу с тобой. Даже начисто отключила внешнюю связь. Меня могли вызывать лишь несколько человек, ближайших коллег по работе: я дала им другой позывной код.

Даже Ли боялась увидеть. К счастью, он проходил карантин; я сама его вызвала: чтобы он не беспокоился. Всего один раз.

Надо было связаться с вами, с тобой, хоть послать поздравительную радиogramму – ничего не могла. Только и думала: хоть бы не вспомнили обо мне!

– Зачем ты так?

– Я же теперь ничего другого не стою.

– Нет, ты – не должна так думать о себе.

– Не надо: не утешай. Что, кроме горечи и презрения к себе, мне остается? Как ты можешь вообще со мной разговаривать? Теперь – когда ты всё знаешь. Жалеешь меня – зачем?

– Нет. Поверь: нет. Ты выше меня. Я – что? Если бы не Лал и Дан: я же была просто девчонка, когда встретила их. А ты ведь сама. Сама!

– Всё это теперь позади.

– Нет. Ты же вела борьбу – такую тяжелую! Что ты казнишь себя: могло ли не быть хоть одного поражения? Не надо, сестра: слышишь, не надо! Мы добьемся своего – увидишь!

– Мы? Кто это? Сколько? Раз, два – и обчелся: остальные разбежались – кто куда.

– Мы снова соберем всех.

– Ой ли!

– Соберем! Их – и других: то, чему научил нас Лал, раскроет людям глаза.

– Его ведь тогда никто не слушал. И я тоже – готова повторить тебе это.

– С той поры много воды утекло. Сейчас послушай меня вместо него.

Теперь говорила Эя – Ева слушала.

– Так! – говорила она. Из всех, кого они познакомили с взглядами Лала, никто так не понимал сказанное. Ей не нужны были обычные подробности: слишком многое знала сама. Каждое слово Эи – как вода в сухую почву: снова в глазах Евы появлялся блеск, и на мгновения превращалась она в прежнюю Еву.

– Нам было бы легче, если бы всё это время он был с нами, – задумчиво сказала она. – А может быть – ещё трудней.

Она стала отвечать на вопросы Эи. Её ответы были мало утешительны: не так много изменилось с их отлета. Отбраковка – да, значительно ограничена – но не исчезла, существует (будь она проклята!).

– Действовать надо, Ева! Лала нет – мы вместо него.

– Как – действовать?

– Передавать всем слова Лала: пусть знают! Восстанови свои былые связи и расскажи им – в первую очередь.

– Попробую.

– И ещё: надо, чтобы родился ещё один ребенок от полноценной матери – здесь, на Земле.

– Хочешь повторить то, что не удалось мне?

- Так надо, понимаешь?
- Кто? Ты?
- Нет. Не могу. Я...
- Космос?
- Да. Хотя я вполне здорова. Там – погиб наш Малыш. Ты знаешь, как.
- Знаю. Все знают.
- Но только ты – понимаешь. Я никогда, видно, больше не решусь – родить, – с тоской глянула она Еве в глаза. – Ты?
- Я? У меня уже не получится. После операции гинекологи мне сказали: «Теперь ты можешь в будущем ничего не опасаться».
- Надо поговорить с теми, кто раньше хотел это сделать.
- Нет. Они деморализованы случившимся со мной: боятся. Йорг и генетики по-прежнему в состоянии сделать с ними что угодно.
- Ты так думаешь? Почему же они молчат до сих пор по поводу наших детей?
- С вами боятся связываться: слишком вы популярны.
- Но хоть попытаться что-то сделать? При проверке развития детей они имели возможность.
- Так-таки ничего не было?
- Мы не заметили.
- Значит, у них в запасе что-то более серьезное.
- Скажи подругам, что и с ними мы не дадим ничего сделать.
- Ева покачала головой:
- Всё равно, ничего не выйдет. Сейчас – никак. Попробую, конечно. Только всё равно, знаю: сразу не решатся.
- Пусть не сразу.
- Трудно. А сил у нас с тобой – нет.
- Будут силы. Будем вместе – появятся и они. Найдем их: надо – мы должны быть сильными.
- Только – тоже не сразу. Но теперь хоть знаю, что не одна. Ну, что: пойдём. Девочка, верно, заждалась.

- Ты не скучала, дочка?
- Нет, я смотрела на маленьких. И кормилицы такие славные. Только детей мне больше не давали.
- Нельзя, девочка. Того, что ты брала, специально осмотрит врач.
- А смотреть они не мешали.
- Смотреть можно.
- Только они немного странные. Многого не знают – я им говорю, а они не понимают.
- Их мало учили. Они – неполноценные, – сказала Эя.
- Те, про которых говорил Отец?
- Да.
- Вот как!
- Дочка, а ты не хочешь остаться здесь до понедельника? – вдруг предложила Эя, видя, как Ева смотрит на Дочь.
- А можно?
- Можно, дочка: конечно! – Ева привлекла девочку к себе. – Будешь со мной.
- А с детьми мне разрешат играть?
- Да – тебя только обследует врач, и будет можно: уже завтра, с утра.
- Тогда я останусь. Мама, а ты?

- Меня ждет Отец.
- Пойдем обедать, Эя, – напомнила Ева.
- Извини, мне совсем не хочется. Полечу я. Только попрощаюсь с дочкой. Ты проводи меня до аэрокара, поговорим ещё немного.
- ... – Спасибо, что ты её оставила со мной. – Они уже стояли возле аэрокара. – Так хорошо мне с ней.
- Побудьте вместе.
- Она удивительно ловко держала младенца. Наши девочки так не умет.
- Дети разных возрастов у вас мало общаются. Это плохо. Мои росли вместе; Сын заболел о сестре, знал, что он – старший. Мне столько ещё тебе о них рассказывать.
- Они, должно быть, и дают тебе силы. Счастливая ты, всё-таки – несмотря ни на что!
- Да, Ева. И за это я благодарна вам: Лалу и тебе. Пока, Ева! Открой свою внешнюю связь. Будем вместе!
- Будем, сестра.
- Ещё вот что: я записала весь наш разговор – разрешишь дать запись Дану? Или хочешь, чтобы я её стерла?
- Нет. Ему – дай!
- Ну, всё! До встречи, сестра. Прилетай поскорей: мы покажем тебе Сына.
- Спасибо тебе – за всё. Привет мой Дану!

47

Озеро знакомыми очертаниями распростерлось внизу. Дан посадил аэрокар и, выскочив из кабины, сбежал к берегу.

Как давно был он здесь. С Лалом. Там, вдалеке, остров, где прошла будто приснившаяся ночь с Лейли. Он был тогда другим, а Лал жив.

– Отец! Красиво-то как! – другой Лал, его сын, стоял сзади.

Робот быстро развернул палатку. Они спустили на воду надувные лодки, погрузили снасть. Озеро, несмотря на нерабочий день, было почти пусто – лишь одна лодка маячила невдалеке.

Поначалу поставили лодки рядом. Разделись, подставив тело солнцу, ощущая воздух всеми порами. Дан наладил удочки, помог Сыну. Закинули и стали ждать.

– Что такое? Почему совсем не клюет? – разочарованно произнес Сын.

– Ничего: попозже, к вечеру начнет. Давай-ка разъедемся. Попробуй поработать спиннингом.

– Я поплыву к большому острову.

– Давай! Когда-то у меня там брала щука. На такую точно блесну: возьми-ка!

– Зачем – две?

– Про запас: там у берега водоросли – могут быть зацепы.

Вода казалась застывшей. Кивки тоже – так, что надоело смотреть. Дан налил чаю из термоса, попил не торопясь.

Лодка с одиноким рыбаком снялась с места, приблизилась к нему.

– Клюет? – спросил рыбак, поздоровавшись.

– Мертво. А у тебя?

– Тоже. Только время зря теряю!

– На что ловил?

– Да почти всё перепробовал.

– Может, позже начнет?

Рыбак махнул рукой:

– Вечером вчера не клевало, и сегодня утром ничего: я в четыре часа начал. Впустую! Улечу сейчас куда-нибудь ещё – давно пора! И так, уже никто здесь не остался. Не собираетесь тоже?

– Нет. Я слишком давно тут не был.

– Ну, как знаешь. Удачи! – Хорошо, что не узнал: лицо затенено большим козырьком.

Значит, надеяться почти не на что. Жаль: так хотелось испытать захватывающее чувство азарта и удачи, ощущения сопротивления пойманной рыбы, натянувшей леску. Но улетать он, в любом случае, не собирался.

Лал ждал его когда-то здесь, – а он был там, на острове: Лейли пела ему и дарила себя. Сын уплыл туда – к острову. Его уже совсем не видно.

Солнышко приятно пригревало. Сбросив ещё пару глиняных «бомб» для прикормки, Дан лег на дно лодки, незаметно забылся дремотой.

...Внезапно что-то будто толкнуло его. Ещё не совсем очнувшись, он сел и начал озираться вокруг. И вдруг увидел: лодка Сына качается на воде. Пустая!

Он испуганно схватился за радиобраслет:

– Сын! Сын, отзовись! Где ты! Сын!

Сын отозвался не сразу.

– Я на острове, Отец. Что-нибудь случилось?

– Я испугался. Твоя лодка далеко от берега, и тебя в ней не было.

– Я забыл её привязать. Пришли мне, пожалуйста, большую палатку, одежду и робота с едой.

Что?! И он вдруг вспомнил всё: понял.

– Ты один? – спросил он с какой-то робостью. Сердце учащенно колотилось.

– Нет.

– Сейчас пришло. – Он поспешил на берег, надул плот и сам перетащил на него всё.

С того дня, как побывала у них, она часто прилетала сюда.

Дни были до отказа заполнены – она и Поль работали как одержимые, готовя «Бранда»; но параллельно, ни на минуту не прекращаясь – мысли: о себе, о Дане, Эе, их детях. Она никуда не могла деться от них. И всё чаще тянуло туда, где прошла единственная, невероятная, прекрасная ночь. Ночь с Даном. Здесь – в тишине, одиночестве, подолгу сидела она, вновь и вновь вспоминая, думая.

...Отплыв на достаточное расстояние, Лал прицепил данную Отцом блесну и встал во весь рост.

Первые несколько забросов не дали результатов. Вспоминая то, что говорил и показывал Отец, он повторял их, приближаясь к острову. И уже вблизи от него рыба взяла.

Леска натянулась до предела. Замирая от волнения, Лал осторожно подтягивал её, держа палец на кнопке моторчика, крутившего катушку. И не поверил своим глазам, когда увидел рыбину, подхваченную подсачником. Щука! Не маленькая. Вот они какие!

Он снова прицелился, забросил. Ничего. Снова, и ещё раз, и ещё.

И опять натянулась леска, прогнулось удилище. Снова удача! Идет ещё тяжелей, чем первая. Чтобы не оборвать леску, приходится то включать моторчик, то отпускать тормоз. Сколько в ней силы! Ну же!

Тоже щука. Какая огромная, чуть ли не вдвое больше первой. О-го-го! Глаза юноши сияли, ноздри раздувались, – он широко улыбался.

Ещё, ещё заброс. Ничего. Не может быть, не должно! Поймать ещё, почувствовать вновь и вновь взявшую блесну рыбу, подсечь её резким рывком и снова тащить к себе.

«Там у нас тоже обязательно должна быть рыба, ею надо как можно скорей заселить водоемы». Чтобы и там можно было испытать азарт ловли, восторг при виде крупной бьющейся рыбы.

Он забросил далеко, почти к самым кустам у мыска. Повел – и тут же почувствовал, что зацепил. Ну, надо же!

Действуя веслами, он медленно подплыл к мыску, чтобы, легонько подергивая леску, как учил Отец, попытаться освободить тройник с блесной. Солнце ещё сияло вовсю. Ветерок приятно обдувал лицо и голое тело и тихо подвигал лодку.

Удивленный вскрик заставил его поднять голову.

...Что делать? Как жить дальше? С каждым днем она всё сильнее чувствовала, что уже окончательно не в состоянии жить по-прежнему, – только так, как живут они.

Мысль, в первый момент показавшаяся безумной – стать одной из них, войти в их семью – не проходила. Наоборот – становилась навязчивой, настолько сильной, что сминала даже чувство к Дану. Они становились ближе ей – все: и Эя, и девочка, и застенчивый юноша, горящий взгляд которого стал часто видаться ей.

Надо искупаться: вода освежит тело и хоть немного успокоит. Лейли сбросила одежду, шагнула к воде. Солнце било в глаза так, что пришлось зажмуриться.

Она приоткрыла глаза – и не поверила себе: лодка, прямо перед ней, и в лодке сын Дана – Лал. Солнце золотило его развевающиеся огненно рыжие кудри, – казалось, сияющий ореол

окружал его голову. И юношески стройное нагое тело с выпуклой грудью, развернутыми плечами – будто созданное античным скульптором для храма Гелиоса¹.

Он поднял голову, услышав её вскрик, – и всё затмил его взгляд. Он уже не мог оторвать от нее глаз, не мог опустить их; в них светились восхищение и радость, робость и покорная нежность. Губы его беззвучно шевелились.

И молнией пронзила её мысль: это – выход! Единственный – другого не будет. Только это свяжет её с ними – неразрывно, прочно.

И сразу отпали все сомнения, все тревоги. Стало удивительно спокойно в её душе. И она не стала закрывать свою наготу: шагнула вперед, в воду – навстречу ему.

Лейли... Она – или он плохо знал своего Сына: как смотрел он на нее, красный от смущения. Потом полночи ждал на балконе, чтобы ещё раз увидеть её.

Пора – мальчику уже восемнадцать. Будь счастлив, Сын!

Это замечательно, что с первой в жизни женщиной его свяжет любовь, на которую ответят тем же: она одарит его любовью – не простой страстью. Сумеет: она знает это чувство. С давних пор. Гораздо раньше, чем узнал его он, Дан.

Его-то она и любила. Та встреча, здесь, когда она казалась безумной от счастья, – лишь это он хоть иногда вспоминал. А сейчас припомнил всё: то, что передавал ему Лал, когда он, бессильный старик, доживал последние годы первой жизни, и её слова при прощании тогда. Он не вспомнил её, вернувшись: сразу встретил Эю. И лишь одна та ночь – и день.

Там, на сверхдалекой Земле-2, у него и Эи родились Дети, и Эя, Мама, стала единственной для него на всю жизнь – он узнал любовь и стал другим.

А она, здесь, ждала: он почувствовал это сразу при её посещении – она прилетела к ним самая первая. И улетела, всё поняв, но ничего, значит, не позабыв: продолжает летать сюда. И сейчас она с Лалом: потому что его только может полюбить – сына Дана. Пусть будет счастлива – с Сыном!

Он долго сидел на камне у самой воды: смотрел на остров вдали, думал. Приплыл обратно плот, – на нем лежала великолепная большая щука. Значит, Сыну сегодня во всем удача! Он не стал трогать рыбу: сунул в садок, чтобы сохранить до прилета Мама.

Долго же её нет! Скорей бы прилетела! Что там с Евой? Ожидание было томительным. Даже ловить не хотелось.

Он невероятно обрадовался, услышав, наконец, сигнал вызова.

– Отец, я уже лечу. Включи через час пеленг – я пересяду в аэрокар.

– Что с Евой?

– Дело серьезное: она делала попытку сама родить ребенка – её заставили под угрозой бойкота ей и Ли уничтожить плод.

– Как это произошло?

– Я записала весь наш разговор – перезаписала его тебе. Начни слушать до моего прилета.

Скоро буду.

Он слушал, сжав кулаки. Прав, тысячу раз был прав Лал: ну и зверьё!

Эя, прилетев, увидела, что он продолжает слушать, – молча уселась рядом с ним.

– Похоже, Ева сейчас не совсем устойчива, – сказал он, прослушав главное.

– Пока очень. Но это Ева: должна справиться.

– Ты сильно устала сегодня?

– Невероятно. И не ела с утра: не до того было. Она – как избитая. Я Дочь с ней оставила – до понедельника.

– Что же ты молчала? Сейчас накормлю тебя.

¹ Древнегреческий бог Солнца.

– Наловили много?

– У меня совсем не клевало. Но Сын поймал, спиннингом. Вот, смотри! – он вытащил садок со щукой.

– О! Молодец мальчик.

– Да. – Что-то мешало ему сказать сразу всё.

– Даже есть захотелось.

– Сейчас! – он сунул щуку в контейнер робота. Налил в крохотные стаканчики темную водку. – Выпей немного. На травах, по рецепту Лала.

– Опьянею я: голодная очень.

– Ну и хорошо: расслабься.

– Ладно: после того, что узнала, действительно, надо. – Она сразу поперхнулась, слезы выступили на глазах. Потом всё же допила. Дан подал ей кусок уже зажаренной рыбы.

Они ели молча.

– Правда: полегче стало. Ты что сейчас будешь делать? Поедешь опять ловить?

– С тобой – да.

– Нет – я не в состоянии.

– Иди тогда, ложись сразу.

– Подожду Сына.

– Не надо. Он на большом острове.

– Где?

– Вот там. – Но ничего уже не было видно, совсем стемнело.

– Надо хоть вызвать его.

– Не надо, Мама. Нельзя мешать ему.

– ?

Он не успел ничего ответить: негромкий женский голос зазвучал над озером.

– Колыбельная! – удивленно воскликнула Эя. Одна из тех, которые она учила с тем, старшим, Лалом, и потом пела своим Детям. – Там – с ним, нашим Сыном?

Он кивнул молча. Лейли: теперь уже совсем не было сомнений. Звуки неслись над водой, проникая куда-то в самое сердце. Необъяснимое чувство вины перед ней впервые пробудилось в нем. За что? Уже тогда была Эя. Она и сейчас с ним. Рядом. Сын – даст Лейли то, что не дал он. И она – отдаст Сыну себя всю, без остатка: она не умеет иначе.

Сменяли друг друга песни, романсы, арии. Одна прекрасней другой. Они входили в душу, и в ней воцарялись покой и светлая вера. Исчезала тоска, безотвязно следующая за ними с того страшного момента, когда навеки уснул Малыш.

Дан обнял Маму, привлек её к себе; она молча приникла к нему, прижалась крепко. И когда пение кончилось, они почувствовали, что страсть вновь пробудилась в них.

– Отец, родной мой!

– Мама, любимая!

Они не стали противиться желанию друг друга. Желанию, вернувшемуся после такого длительного перерыва. Уходя в палатку, они обернулись в ту сторону, где сейчас был их сын, обретший свое высшее счастье, и откуда пришло облегчение им самим. Какой-то неяркий свет вспыхнул там: это загорелся костер.

48

– Добрый день, Эя. Мне нужна ваша помощь: мы ставим старинную пьесу, и я играю главную героиню – она жена и мать. Кто, кроме тебя и Дана, сможет мне помочь?

– Ну, да. А как называется пьеса?

– «Бранд».

– Ибсена?!

Сын больше не жил с ними – его домом стал блок Лейли в Городе Муз. Прилетая в Звездоград – он не стал переводиться из здешнего университета, из-за друзей, которые у него там уже были – Сын обязательно старался, хоть ненадолго, увидиться с ними и сестрой, не прибегая к телесвиданиям.

Они все не особо представляли, как себя вести в этой необычной ситуации. Не говорили о Лейли, а она, казалось, не испытывала желания вновь увидиться с ними.

Этот радиовывоз она сделала сейчас почему-то ей, Эе.

– Мне очень нужна ваша помощь, – повторила Лейли. – Не могли бы вы прилететь к нам на студию – на репетицию?

Когда они там появились, зал, где шла репетиция «Бранда», был набит до отказа. Впервые: никто посторонний до сих пор на его репетициях не появлялся.

Постановка пьесы вообще с самого начала натолкнулась на большие трудности: желающих играть в ней почти не было. Лейли – Агнес, да Поль, решивший сам играть Бранда. С остальными ролями помог Цой, с трудом уговоривший несколько актеров, далеко не самых лучших, если не считать взявшего роль Фогта Рема.

Но на роль Герд он исполнительницы не нашел, и Лейли обратилась к Рите, не очень, правда, рассчитывая, что та согласится. Но, к удивлению, Рита, перед тем отказавшая Цою, обещала подумать.

...Об этом она рассказала Милану во время свидания.

– Если я и соглашусь, то лишь чтобы познакомиться с Лалом.

– Младшим?

– Ну да. Он бывает у нас почти каждый вечер, когда играет Лейли. Ты знаешь: она близка с ним.

– Конечно.

– Ты поразительно много знаешь.

– Не от тебя.

– Ну, и что?

– Ты переменилась.

– Не думаю.

– Ты больше не хочешь нам помогать?

– Я этого не говорила.

– Тогда – будет полезным, чтобы ты познакомилась с этим новым Лалом. Ты знаешь, что они всё услышанное тобой тогда от Лейли говорят всем и повсюду? И многие их слушают, и потом передают и обсуждают с другими. Ты-то понимаешь, к чему это может привести.

– Безусловно. Значит – брать роль этой полоумной?

– Это же поможет тебе узнать от них ещё многое, ценное для нас. Да, девочка?

– Тебе так же трудно отказать, как и отказаться сейчас от тебя! – усмехнулась она, двигаясь к нему. Но ею уже двигало и любопытство: в любом случае, эти люди были слишком необычны.

...Лейли познакомила их с главным режиссером «Бранда» – Полем. Гостям показали две сцены: там, где Бранд собирается покинуть горное селение, но преследуемый криками Герд

и сознанием своего долга, остается, – а с ним и Агнес: затем – в которой приходит цыганка, и Агнес отдает все вещи умершего ребенка.

Лейли была великолепна: в каждом слове, каждом её движении было неподдельное чувство. Но при этом многое она представляла себе слишком не точно – на это ей надо будет указать: объяснить необходимые подробности. Не это главное. Главное – как она воспринимает образ Агнес. И как держит сверток с ребенком. Своего бы ей! Ну, об этом и мечтать не приходится.

И Бранд хорош: Поль играл человека не только убежденного и неукротимого – его Бранд нес боль за то, какими были люди. За его убежденность скрывалась мука преодолеваемых сомнений, подавляемого желания снизойти к слабости людей – им надо помочь стать ими в самом высшем смысле. Вопреки им самим, вопреки жалости, мешающей ему.

Воспоминания нахлынули на Эю. «Бранд» тогда послужил Дану средством, чтобы заставить её преодолеть сомнения, решиться: сейчас она уже не представляла жизнь без своих детей. И её долг помочь другим стать такими же. Надо помочь им, Полю и Лейли: постановка «Бранда» всколыхнет людей.

К сожалению, поговорить здесь не удастся. Людей много – все смотрят только на них. К тому же, репетиция продолжалась намного дольше, чем они предполагали.

– У нас назначена встреча с друзьями в Звездограде. Может быть, полетите с нами? – предложила Эя. – Поговорим в кафе.

– Но ваша встреча...

– Для них наш разговор будет интересен. Так, как?

– С удовольствием! – Поль и Лейли поднялись.

– Мне можно с вами? – спросила Рита.

Дорогой Лейли расспрашивала Эю, насколько верно изображала она Агнес – Эя объясняла ей её ошибки. Остальные молчали, слушая их. Поль и Рита впервые видели астронавтов так близко и были всё внимание, хотя каждого интересовало совсем разное.

Для Поля они были, прежде всего, прототипами героев пьесы. Дан, действительно, напоминал Бранда, только более спокойного и менее сурового, – был бы и Бранд таким же, имея за собой столь великие свершения? Но Бранд и Дан – люди слишком разных эпох. Бранда ведь некоторые режиссеры ещё во времена Ибсена трактовали как сурового фанатика только из-за того, что он прест: его стремление к совершенству людей связано с его религией. Но сколько замечательных людей того времени были глубоко религиозны: Толстой, Ганди, Кинг. Два последних были убиты.

Бранд – не фанатик: его требовательность вызвана ясностью главной цели – непрерывным совершенствованием. Дан тоже напоминает человека, ясно осознающего цель. Какую – Поль в общих чертах уже знал со слов Лейли. Но он хотел послушать их самих: слова Лейли пробудили сильнейший интерес к тем идеям, которые они, как ему говорили, теперь повсеместно проповедовали. Но правы ли они вообще – или настолько, что, не принимая всего, следует признать их частичную правоту – об этом он судить ещё не решался.

Но сами личности! По сути, для него и Бранд представлял ценность лишь как яркий, цельный характер, – впрочем, в нем до сих пор много неясного, непонятного.

– Что ты можешь сказать о моем Бранде, сеньор? – наконец решился обратиться Поль к Дану.

– В нем немало того, кого можно взять прототипом – его, к сожалению, уже нет – моего друга: Лала.

«Не считает, что он сам!», отметил молча Поль.

...А Рита чувствовала себя несколько странно. Быть лазутчицей – это шекотало нервы, казалось увлекательным, как в старинных книгах о них. Но в то же время она, как и все на Земле, не могла не восхищаться ими.

Что они хотят? Почему, действительно, нарушили существующий порядок и проповедуют другим его уничтожение? Постепенно стало усиливаться желание узнать и понять как можно больше не только для Милана и профессора Йорга.

Кафе «Аквариум», где проводили они большинство встреч, было выбрано Даном: там украшением стен было большое количество искусно оформленных, светящихся аквариумов, и он удовлетворял свою былую страсть к рыбкам, любоваться которыми столько лет не имел возможности. Всегда садился лицом к круглой стене: пол медленно вращался, и аквариумы с самыми разными рыбками поочередно проходили перед глазами.

Там их ещё никто не ждал. Они уселись за стол, каждый заказал легкий ужин киберповару. Снова завязался разговор о «Бранде».

– А ведь эта пьеса когда-то сильно помогла мне. Да, Мама? – спросил Дан.

– Ещё как! – ответила Эя. – Я, пожалуй, расскажу, как это было.

Вскоре появились те, кого они ждали: Арг и Лия с десятком молодых аспирантов.

– Извини нас, учитель, что явились позже тебя! – сказал Арг, совершенно седой: его обращение звучало странно – Дан выглядел не старше его.

Чувствуя себя опоздавшими, вновь пришедшие тихо уселись и тоже стали слушать рассказ Эи.

...Это она не рассказывала во время её прилета к ним в горы. О том, как Лал уговаривал её родить ребенка; о своих колебаниях, о том, как после гибели Лала она решила, что это уже не нужно. О попытках Дана убедить её – сделать в память друга: он предложил ей тогда посмотреть «Бранда».

О «Радуге», которую вспомнила после просмотра «Бранда» и содержание которой вкратце пересказала. И как тогда, наконец, решилась.

Её слушали, затаив дыхание.

Не слышимый другими сигнал прервал конец её рассказа. На экранчике радиобраслета появилась Дочь.

– Мама!

– Как дела, Дочка? Ты давно дома?

– Только что приехала.

– Ужинала?

– Да. Мама, а вы где?

– В «Аквариуме».

– Значит, вы сегодня тоже поздно вернетесь?

– По-видимому. Ты нас не жди, ложись вовремя.

– Хорошо. Я только свяжусь с Евой: хочется поговорить с ней.

– Передай привет от нас. И скажи, что мне сегодня вряд ли удастся связаться с ней.

– Включи, пожалуйста, большой экран, Эя: я хочу кое-что сказать Дэе, – попросил Арг.

Рита с любопытством смотрела на появившееся, на большом экране лицо девочки.

– Добрый вечер, сеньоры! – поздоровалась она со всеми.

– Славный вечер, дочка! – сказал ей Арг. – Я кое-что узнал для тебя.

– Я слушаю, сеньор.

– А сеньором – ты меня больше называть не будешь. Вот – я нашел: когда-то старшего дети называли «дядя». Это значит – брат отца или матери. Понятно?

– Да. И сестра матери или отца – тоже?

– Нет – женщин называли «тётя». А совсем старых: «дедушка» – отец матери или отца, и «бабушка» – мать любого из них. Меня – как ты будешь называть: дядя Арг или дедушка Арг?

– Дядя Арг. Ты ведь моложе Отца.

– Но я старше твоей матери.

– А если сложить половинки их лет?

– О, тогда будет примерно одинаково. Действительно: дядя. Молодец: ты очень сообразительная девочка. Возьму-ка я тебя к себе в ученицы, когда закончишь университет.

– Нет, дядя Арг. Я буду педагогом. Как Ева. Тетя Ева.

– Жаль, Дзя!

– Спокойной ночи! До свидания, – сказала Дзя и исчезла с экрана.

– Невероятно славная девочка! Так люблю с ней разговаривать: колоссальное удовольствие.

– А ведь все это любят – поговорить с детьми. Естественная потребность – общаться с ними. Для всех – Лал был бесконечно прав: каждый, женщина или мужчина, должен иметь собственных детей.

– Жаль, что я слышу от тебя это только сейчас, а не когда тебе было всего шестьдесят лет, – произнесла Лия.

– Почему именно шестьдесят?

– Я тогда попросила у него консультацию – заканчивала институт. Какой он был! Как мне хотелось, чтобы он протянул мне руку.

– Разве я не сделал это?

– Сделал: но после того, как я протянула её первая. И во второй раз, когда я осталась в его блоке, всю ночь лишь говорил о своей работе. Предложил мне заняться проблемой, о которой рассказывал, и стать его аспиранткой. Что я и сделала. Вот такой он был в шестьдесят лет.

– Ты о чем-то жалеешь?

– Ужасно! Нет, не о том, что стала его ученицей, – о том, что тогда ещё никто не додумался, что нужно иметь собственных детей. Меня тогда ты бы уговорил гораздо быстрее, чем Эю. Действительно: здорово! А теперь мне уже поздно, – она дотронулась до своих белых как снег волос. Но её черные глаза смотрели молодо, поблескивали – было непонятно, всерьез ли она жалеет об этом или смеется.

– На учителя это похоже. Помните, как он заставил пару молодых аспирантов, расцепив пальцы, укатить домой к своим компьютерам? – спросил Арг.

– Гай и Юки, – вспомнил Дан. – Он был твоим аспирантом, Лия. А она тогда дала нам весь материал по характерным числам элементарных частиц.

– Ты обнаружил тогда, что они у одной из частиц совпали с правильной группой ряда разностей простых чисел.

– И это было началом открытия периодического закона элементарных частиц. А потом – гиперструктур.

– Нет, – возразил Дан. – Вначале была встреча с Лалом, который показал мне график и письмо Михайлы.

– ... А потом был построен гиперэкспресс – Тупак открыл Землю-2.

– И вы полетели туда и сделали её пригодной для заселения.

– И вышли на Контакт.

– Да: эпоха кризиса кончилась.

– Она позади.

– Нет! – снова резко возразил Дан. – Ещё не кончилась. И не кончится – до тех пор, пока не поймут все то, что первым увидел Лал. Если ошибки эпохи кризиса не будут ликвидированы.

– Учитель, разреши возразить тебе, – сказал Арг. – Я не согласен, что это должно быть сделано немедленно. Использование неполноценных дает большие выгоды: можем ли мы пока ещё отказаться от них? Ведь перед нами сейчас стоят не менее грандиозные задачи, которые снова требуют огромного напряжения.

– Ты предлагаешь отложить это на будущее?

– Конечно! Переместить на Землю-2 сразу всё необходимое количество переселенцев, животных, растений и остального с помощью Экспресса невозможно – даже реконструировав его. Расчеты уже окончательно показали это. Придется строить другой гиперэкспресс – по крайней мере, в пять раз больше. Мероприятие недешевое. Я из-за этого сейчас и задержался: просматривал последние результаты расчета.

– Возможно сделать за несколько раз, Экспрессом, – я с самого начала предлагал этот вариант.

– Заселение затянется на длительный срок.

– Мне это не кажется страшным.

– Но, учитель, все хотят как можно быстрее.

– И на возвращения Экспресса почти без груза нужно будет затратить почти такое же количество энергии, что и туда. Это безвозвратные затраты – не то что на строительство суперэкспресса, – добавил один из аспирантов Арга.

– Это причина, слишком веская для всех. А теперь появляется ещё одна: гипераппарат Экспресса нужен для другого – как антенна для приема повторных сигналов Тех. По крайней мере, пока не удастся расшифровать Их послание.

Оно, действительно, никак не поддавалось расшифровке. Работали самые совершенные и мощные суперкомпьютеры, но – ничего не получалось: запись была настолько сверхкомпактной, что её не удавалось разделить на отдельные элементы. В интенсивных поисках способа её разделения принимал участие и Дан.

– Я убедил тебя, учитель?

– Нет, Арг. Нам рано устанавливать постоянный Контакт с Теми: нас не должны увидеть в таком облике – высокоинтеллектуальных зверей.

Позиция, занятая Аргом, встревожила Дана. Неужели в числе противников окажутся его ученики? Грустно, если придется пройти через это.

Видя, как потемнело лицо Дана, Лия попыталась перевести разговор на другое:

– Эя, ты ведь ещё что-то хотела нам рассказать?

И Эя снова стала рассказывать: о том, как росли Дети. Все опять внимательно слушали. Особенно Лейли – несмотря на то, что уже слышала это: слушала с волнением и потому – не замечала, как трудно говорить Эе.

...Никто из присутствовавших не поддержал Дана, зато многие своим видом показывали, что согласны с Аргом. Даже Лия промолчала. Эя ясно ощутила, насколько же трудно пришлось Лалу, вынужденному молчать страшное число лет. Их хоть слушают!

Дан погрузился в свои мысли. Нелегко, ох как нелегко приходится! Ещё ни разу никто здесь не выразил сочувствия, согласия с тем, что говорят он и Эя о неполноценных. Всегда только почтительно молчат. Сегодня ему впервые возразили: он не ожидал, что это сделает его же ученик.

Рита вначале внимательно, как и все, слушала Эю. Много из того, что она говорила, Рита уже слышала от Лейли, но в изложении Эи то же самое нередко звучало иначе: Лейли упустила целый ряд подробностей, не поняв – и потому, не запомнив их. Но потом взгляд Риты случайно упал на Дана, и она перестала слушать.

Величайший ученый и герой, замысливший теперь многое перевернуть на Земле, сидел, о чем-то глубоко задумавшись; брови его были сдвинуты. О чем же он думает? Рита старалась

что-то угадать по его лицу. Оно то становилось сурово-спокойным, то снова напряженно хмурым, и губы крепко сжимались. И вдруг в глазах его мелькнуло выражение острой внутренней боли.

Он только что поднял голову, глядя на рыбок, чтобы немного отвлечься: в аквариуме, который проходил медленно мимо него, были меченосцы, скалярии и гурами. Станный подбор для такого кафе: чистое любительство, которое он когда-то допускал для себя, в своем блоке. И сразу вспомнил: «Рыбок тоже жалко!» Рассказать бы им – про Ромашку! Но он не мог: при этом нужно было бы сказать всё и о себе, о том состоянии, в котором тогда находился – здесь сейчас об этом ему говорить трудно. Рита увидела, как снова потемнели его глаза.

Дан почувствовал, что кто-то пристально смотрит на него. Взял себя в руки. Поднял голову и глянул ей прямо в глаза. А, это исполнительница роли Герд, полоумной, которая оказывается сестрой Бранда – ему об этом говорит Фогт; вместе с ней Бранд гибнет в снежной лавине в конце пьесы. В глазах молодой актрисы любопытство и какое-то скрытое смятение. Он неожиданно улыбнулся ей.

...Беззвучный сигнал вызова, переданный радиобраслетом на запястье легкими ударами, на мгновение отвлек Лейли, жадно слушающую Эю. Чтобы не мешать, она вставила в ухо микронаушник, приставила ларингофон².

– Замечательный вечер, Лейли! Это я, – раздался голос Лала. – Извини: я задерживаюсь с друзьями.

– Ничего, дорогой: я тоже не скоро буду дома. Ты не торопись.

– Я прилечу сразу же, как освобожусь.

– Но я в Звездограде.

– А! Где?

– В кафе «Аквариум».

– Там почти каждый вечер Отец и Мама.

– Они и сейчас здесь. Я с ними – встретились сегодня на студии, потом прилетели сюда.

У нас длинный разговор. Освобожусь нескоро.

– Ты просигналь мне, когда будешь уходить. Хорошо?

– Зачем?

– Ну, пожалуйста!

– Хорошо, родной. Пока!

Она опять стала слушать Эю, которая несколько раз бросала взгляд на нее, когда она говорила с Лалом. Вероятно, догадывалась, что это Сын.

Она говорила уже давно. Все, кто был в кафе, спросив разрешение, сидели поближе и слушали. Слушали о вещах удивительных, необычных – это было прочно позабытое то, что когда-то было известно всем на Земле.

Группа универсантов ужинала в холле общежития. На столе перед ними стояли кувшины с молоком, лежали на блюде ржаные лепешки и сухое печенье.

Лал сидел в середине. Сегодня весь вечер его опять расспрашивали о полете, о Земле-2. Изображение её полушарий украшало их одежду, состоящую из одинаковых черных свитеров и белых жилетов.

– Там у нас... – этой фразой Лал начинал каждый очередной рассказ о своей родной планете. Они слушали широко раскрыв глаза: вот это да!

² Ларингофон – устройство, аналогичное микрофону, но использующее механические колебания кожи в области гортани, возникающие при разговоре.

Они ещё не всегда понимали друг друга. Ребята не очень представляли его жизнь с родителями, он – как они могут даже совсем не иметь их. Он пытался понять их образ жизни, раньше знакомый ему только со слов Отца.

– Твой отец – самый великий человек нашего времени. – Когда он это услышал, удивился:

– Он говорит, что самым замечательным человеком был Лал, его друг. Меня назвали его именем.

– Но именно твой отец открыл гиперструктуры.

– Ну и что?

– Ну, знаешь ли! Ты что – не слышал о научном кризисе?

– Он мне рассказывал.

– И не говорил что кризис кончился только благодаря ему?

– Нет. И Мама тоже. Я от них слышал, что кризис кончился после открытия Земли-2.

– Но её открытие целиком связано с созданием Экспресса, совершающего перенос в гиперпространстве – благодаря ему. Лал лишь был его другом: он только – талантливый писатель и журналист.

– Не только. Отец сказал, что он заставил людей перестать есть человеческое мясо.

– Что?!

– А вы и не знали? – это было первое, что он рассказал им о Лале Старшем. – Но главное не это: Лал обнаружил страшную вещь – возрождение социальной несправедливости на Земле.

Он начал излагать им то, что слышал от Отца о неполноценных. Но тут рассказ его не был таким ярким, как о Дальнем космосе, о Земле-2. То он видел собственными глазами – знал, помнил. Здесь – приходилось напрягаться, вспоминая, что говорил Отец. Оказывается, ему и самому не всё понятно. Всё-таки, он не очень-то представлял, что такое неполноценные.

Он признался им в этом.

– Просто люди, не способные выполнять нормальную работу. Сходи, всё-таки, с нами на эротические игры – посмотришь гурий.

– Поймешь, какие они: ничего не знают и с трудом что-либо понимают.

– О чем же вы с ними говорите?

– С ними? Да ни о чем. Просто танцуем, принимаем участие в играх и уединяемся с ними. Пока нам разрешают ходить туда не чаще двух раз в месяц. Пойдем с нами в следующий раз – увидишь. – Большого они ему не предлагали: до них дошло о Лейли. Это был ещё один повод гордиться им. – Ты подумай.

– Хорошо, – согласился он и снова заговорил о Лале Старшем.

Они жадно впитывали то, что говорил Лал – Лал Младший, их товарищ и герой-астронавт, и не могли ему не верить, даже когда не всё понимали. Но Лал чувствовал, что говорить ему всё трудней.

– Я ещё раз поговорю с Отцом, – сказал он, – тогда расскажу вам остальное. Постараюсь вообще как-нибудь познакомить с ним. И с Мамой. И с Сестренкой.

– Спасибо, брат. Мы стеснялись сами попросить тебя об этом.

– Слушайте, почему вы иногда называете меня братом?

– Брат – это близкий друг.

– Разве?

– А почему – нет?

– Меня Сестра называет Братом, потому что у нас одни Отец и Мама. Ещё у нас был маленький брат – Малыш: он родился в космосе и там же умер. А с Сестренкой мы росли вместе; она меня слушалась не меньше, чем родителей. – Ему даже в голову не приходило сказать ещё, что он всегда отдавал ей самое лучшее, а страшные дни голода – и последнее.

– Ты нам покажи их – мы хотим всё понять, что ты говоришь.

– Пора, ребята! – сказал он, вставая. Сигнала от Лейли так и не было.

Они гурьбой пошли провожать его.

– Лал, кем ты станешь? В какой институт думаешь поступать?

– Я улечу на Землю-2: мне надо будет знать слишком многое – боюсь, ни один не подойдет.

– Вероятно, откроют специальный: по программе, по которой когда-то готовились твои родители.

– Надо поговорить с Отцом. Пусть он предложит это.

– Мы тоже пойдем в него: хотим улететь туда с тобой.

Лал уже сидел в кабине.

– Пока, друзья! – крикнул он, захлопывая крышку.

Пора было расходиться. Дан с Эей и трое актеров направились к выходу.

– Когда можно будет снова встретиться? – спросил Дана Поль. – Я очень хочу услышать о самом Лале.

– Хоть сейчас, если предпочтешь поехать к нам – говорить, а не домой – спать. – Предложение Дана было совершенно неожиданным, но Поль не удивился: всё поведение этой пары людей было необычным.

– Не злоупотреблю ли я вашей любезностью? – на всякий случай спросил он.

– Ни в коем случае! Мы с тобой Эе не помешаем: уйдем на террасу.

– Незачем! Мне совсем не хочется спать: я слишком долго не была на Земле, чтобы отказывать себе в возможности поговорить. Может быть, и вы с нами? – обратилась она к Лейли и Рите.

– Да: с удовольствием! – ответила Рита: плюс ко всему ещё посещение их жилья!

– К огромному сожалению, я не могу, – немного грустно ответила Лейли; ей так хотелось ещё побыть с ними, но знала: Лал ждет её сигнала.

– Жаль! Я всегда рада тебя видеть и говорить, – и Эя протянула ей свою пластинку.

– Спасибо! Она мне очень скоро понадобится.

Вопрос застыл в глазах Эи, но Лейли, попрощавшись, наклонив голову, быстро вышла. Их разговор, теперь уже обязательный – впереди, но сейчас она ещё не готова к нему. К тому же, она действительно спешила: нельзя заставлять его ждать так долго.

Выйдя на аллею, она едва взялась за свой радиобраслет, чтобы послать ему вызов, как вдруг услышала негромкое:

– Лейли! – юноша поднялся с земли и шагнул из-под деревьев на освещенную дорожку.

– Ты здесь, мальчик?

– Да.

– Ждешь?

– Жду, – он коснулся её руки.

– Давно? У тебя руки холодные – ты замерз.

– Ну что ты!

– Ты же можешь простудиться: земля, должно быть, сырая.

– Разве с человеком может что-нибудь плохое случиться здесь, на Земле?

– Глупый мальчик! – она поправила ему волосы.

– Я ждал тебя.

– Я знаю.

Блок был велик. Рита с любопытством рассматривала предметы украшения – изделия хозяев.

– Я только посмотрю Дочку – и сразу вернусь к вам, – сказал Дан.

– Можно и мне с тобой? – осмелилась спросить его Рита.

– Пожалуйста, – только тихонько.

– А мне? – спросил и Поль.

– Конечно.

В комнате девочки горел ночничок. Дяя лежала, раскинувшись, одеяло было сбито. Дан осторожно укрыл её, – Дочь не просыпалась. Одну минуту постояли, глядя на нее, слушая её ровное дыхание. Потом вышли на цыпочках.

Робот привез им на террасу кофе, крепкий – чтобы не хотелось спать. Дан стал говорить.

О том, как впервые встретился с Лалом. О долгой дружбе с ним. О замечательных способностях Лала, его всеобъемлющих знаниях, широте его интересов. О его нечеловеческом терпении – многолетнем молчании о страшном своем открытии.

Актеры слушали, не задавая вопросов. В рассказе Дана рисовалась фигура замечательная, героическая. Хотелось верить всему, что открыл этот безвременно ушедший человек.

...Трудно было бороться с обаянием этого образа, воспринимать оставленные им идеи по-прежнему с иронией. Что-то мешало – уже – не верить тому, что говорит о Лале Дан. Трудно забыть, как он осторожно касался спящей дочери и заботливо укрывал одеялом, как смотрел на нее: выражение его глаз в полумраке спальни девочки поразили Риту более всего. Его невозможно было забыть – и потому так трудно не верить тому, что он говорит. Даже если, действительно, он, как и его покойный друг, заблуждается.

Даже если...? Она усмехнулась про себя: подумала так, будто уже больше была уверена в их правоте, а не своей, Милана и профессора Йорга.

Продолжая говорить, Дан почти машинально сорвал цветок, бархотку, и, помяв пальцами, поднес к лицу, втянул ноздрями запах его. И Рите почему-то тоже остро захотелось почувствовать горько-пряный аромат этого цветка – и неожиданно для себя она протянула к Дану ладонь, а он, как будто сразу поняв её, отдал ей его.

И почти сразу заговорил о ещё одной стороне натуры своего друга: о Лале – писателе и тонком ценителе прекрасного. О том, как не дал перед гибелью своей тронуть гипсовый грот. И о скрипке. Он принес её и, приложив к плечу, заиграл «Балладу» Порумбеску.

Небо начало чуть светлеть, звезды гаснуть.

– Скоро рассвет. Нам давно пора уходить. И так – мы заставили вас провести ночь без сна, – сказал Поль, поднимаясь.

– Э! Сколько их было, бессонных ночей. Ничего – они не пропали даром. И эта – тоже. Торопись, дорогой, со своей постановкой: она очень нужна. Пусть скорей будет рассвет – тот, настоящий. О котором мечтал наш Лал. Не стесняйся, если потребуется наша помощь: «Брандом» ты ведь поможешь нам. Думаю, что ты сумел понять многое.

– Пока не до конца – но хочу понять. До свидания! Спокойного остатка ночи.

– До свидания, Поль. До свидания, девочка, – ласково кивнул Дан Рите.

... – Да, Мама: эта ночь не пропала даром! – уверенно повторил он, когда дверь закрылась за ними.

49

Эта ночь не пропала даром не только на Земле – и далеко от нее, более чем в десяти миллиардах километров. Хотя в это время сторона Минервы, где находилась космическая станция, была обращена к Солнцу, свет его здесь был почти в пять тысяч раз слабей, чем на Земле. Темный день, обычный там.

Но в палате госпиталя, где лежал Ли, светло и шумно. Вокруг кровати расселись друзья, только что прилетевшие на Минерву. Ли уже шел на поправку: врачи достаточно потрудились над ним.

– Починили уже, – сразу же отрапортовал он. – Состою на двадцать пять процентов из чужого мяса, костей и органов. А кожи чужой – семьдесят процентов.

– Заштопан качественно! – заметил гигант Ги, бывший аспирант Ли и его напарник по многим спасательным операциям. – Но всё же, без меня, тебя пускать не следует. Факт! Хотя я думаю, летать ты будешь, раз материала на тебя не пожалели.

– Не пожалели! Материал первоклассный: самых качественных доноров, наверняка, специально зарезали.

– Неужели жалеть для такого суперасса, как ты?

– Сынок, ты, может быть, смотрел бы на это с чуть меньшим юмором, если б узнал, что сам имел когда-то более чем достаточно шансов оказаться в числе тех, кого ради тебя спокойно прикончили.

– Что-о? У тебя – не хандра? Неужели сказали, что спасательной службе ты можешь сделать ручкой?

– Нет ещё. Будет ясно, когда совсем выздоровею.

– Так что за мрачные шутки?

– Какие шутки! Растволкую: мне ещё до этой передряги успели немного вправить мозги и объяснить что к чему, так что я смог кое-что таки уразуметь.

– Мрак Вселенной! По какому курсу ты ведешь нас?

– По верному, – не беспокойся, самому верному.

– По чьему пеленгу?

– Того, кого я всегда называл Капитаном.

– Дана? Рассказал бы лучше, как летал спасать их.

– И о них.

– Серьезно!

– Быть по сему. Заодно и о том, почему считаю, что он сумел мне вправить мозги. Только учтите: придется поднапрячься, чтобы понять толком, что я узнал. Всё не так-то просто – даже для вас, гении вы мои космических масштабов.

– Ну, ну! Не томи.

Ли старался говорить попонятней, чтобы суметь с первого раза довести до их сознания главное. Кое-кто из них может улететь в ближайшее время – поговорить с ними удастся не скоро. Важно, чтобы, сколько-то поняв его, они смогли запомнить как можно больше – и передать другим. Чтобы разносили по Малому космосу идеи Лала. В том, что они выполняют его просьбу и сделают это, он не сомневался нисколько – так же, как и в них самих: космическое братство – вещь самая надежная.

То, что он говорил, было настолько поразительным, что позабыли о его полете на катере в Большом космосе, подробности которого больше всего вначале интересовали их. Он рассказывал о том, чего не было в давно опубликованных отчетах. Молчали, слушали внимательно.

Врач зашел на минуту, проведать его – даже садиться не стал, чтобы сразу уйти – но не ушел, тоже стал слушать. Остался стоять, скрестив руки на груди и прислонившись к стене рядом с дверью.

– Это должны узнать все. Вы расскажите другим – везде, где окажитесь. И они – дальше. Рассказывайте как можно подробней. Все, что поняли или пока только запомнили.

– Пока – больше и запомнили, чем поняли. Не так-то просто!

– Ничего: для начала – довольно. Кто сразу не улетит, почаще захаживайте ко мне. Будем обсуждать: в этом надо разобраться досконально. Капитан сказал, что эпоху кризиса нельзя считать прошедшей, пока человечество не уничтожит социальный институт неполноценных. Поэтому думайте – думайте как следует над тем, что я сказал вам. И ещё раз прошу вас: расскажите об этом другим – кому только сможете.

– Не беспокойся: сделаем. Но вообще-то... М-да!

– Не тушуйтесь, братцы. Мне было ещё трудней: я пока для вас отобрал только самое главное.

– Но если всё так, как ты сказал, почему – никто этого не видел?

– В этом-то всё и дело. Поэтому все должны теперь узнать.

– Ясно!

– Орлы Космоса, взлетайте-ка побыстрей – пока мне пациента не угробили! – вдруг командовал врач.

– А ты что до сих пор молчал?

– Потому, что ещё было можно. А теперь хватит, – я вполне серьезно говорю. И при прощании не вкладывайте всю силу чувства в рукопожатие: я не смогу сейчас сделать ему повторную пересадку кисти – уважаю чужие принципы, даже – новые.

И космонавты прощались с Ли наклоном головы.

... Через минуту после того, как они ушли, в двери снова появился Ги.

– Уговорил его дать мне посидеть с тобой ещё пять минут. Ну, и задал же ты мозгам баню, брат! Ты ведь знаешь: я никогда не боялся, да?

– Верно.

– А сейчас мне страшно: если то, что ты сказал, ну, всё – правда, то не может не быть страшно.

– И что думаешь дальше?

– Я – как ты: мы же с тобой всегда были вместе.

– Будет трудно.

– Ещё бы! Но мы-то – спасатели: «Если где-то случилась беда, наше дело – спешить туда!» Только как же так: как могло всё произойти незаметно? Тебе – тоже было страшно? Когда узнал – про это?

– Ещё как, – особенно когда Капитан сказал, что я сам чуть не угодил под отбраковку. При моем сложении был бы мне прямой путь в доноры, – и может быть, заштопали бы тебя моими кусками. Я ведь вначале терпеть не мог учиться, так что если бы не мама Ева...

А она в это время тоже не спала.

Сегодня ей, наконец-то, удалось собрать вместе достаточно большое количество своих бывших единомышленников. Это стоило немалого труда: движение против отбраковки, в котором они участвовали, зайдя в тупик из-за узости цели, как будто начисто выдохлось. Отчаянная попытка Евы расширить цели борьбы и оживить её с помощью актов рождения детей полноценными женщинами закончилась поражением: казалось, движение растоптано, уничтожено. Хотя то, что произошло благодаря ему, осталось: противники движения признавали невозможность вернуть всё назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.